

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 12

АПРЕЛЬ 1990

Г. и В. КАРАВАЕВЫ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

Века идут,
а ябеды всё те же...

Стр. 8.

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

М. А. АБРАМОВ,
А. В. АНИКИЕВ,
Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ
(зам. главного редактора),
О. С. СПАССКИЙ
(главный художник),
А. А. СУКОНЦЕВ,
Л. Л. ФЛОРЕНТЬЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 20.03.90.
Подписано к печати 27.03.90.
А 00264.
Формат бумаги 70×108½.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 050 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 449 959).
Зак. № 2102.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Крокодил». 1990.

ОПЯТЬ ПОДНОЖКА?

Новая антикооперативная акция Минфина СССР

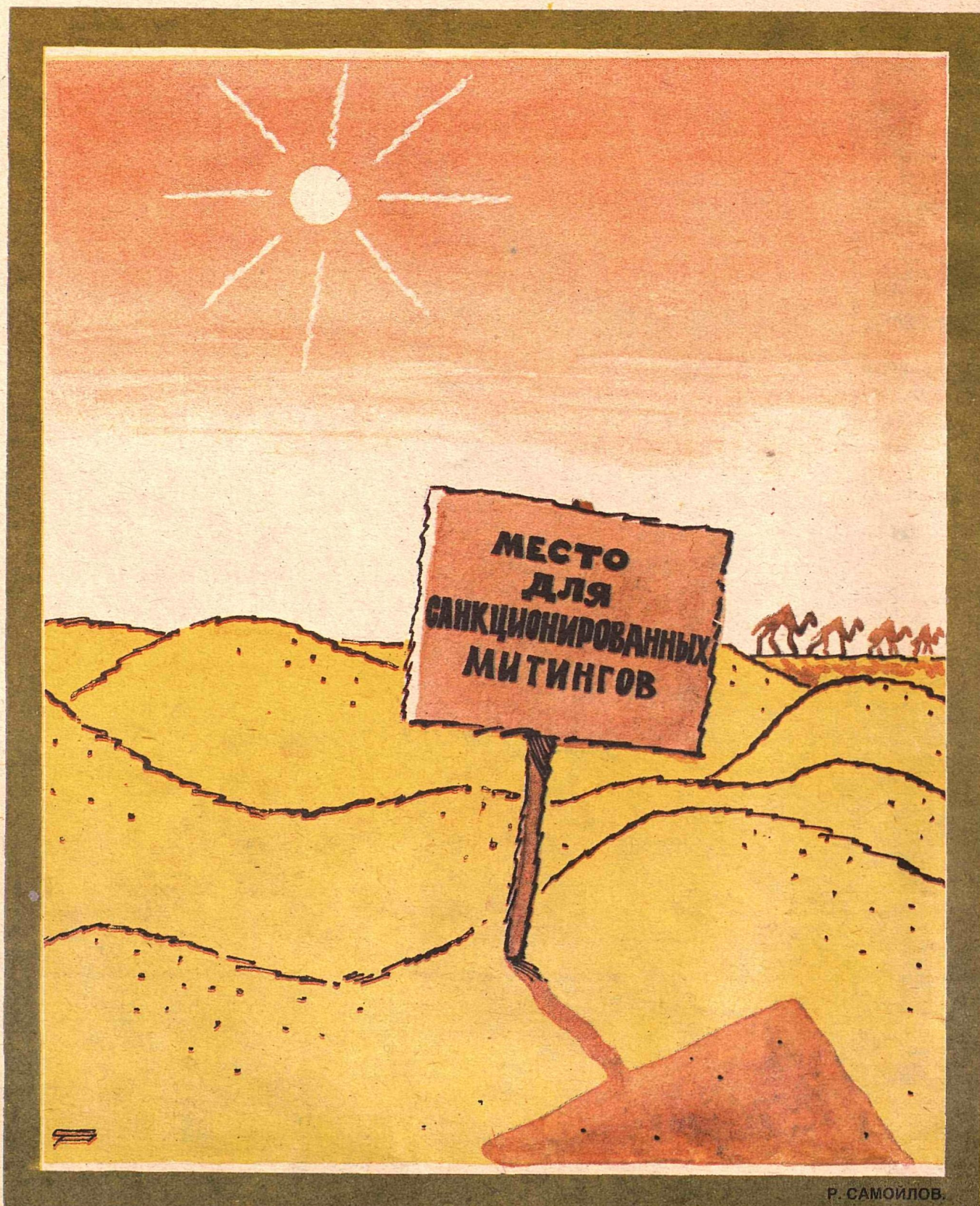
Известно, что строительным, сельскохозяйственным и некоторым другим кооперативам законом предоставлена льгота: они на первые два года освобождены от уплаты налогов. И это очень правильно — кооперативам надо встать на ноги. Но, видно, в Министерстве финансов СССР не так поняли цель Закона, а может, по какой другой причине, но только среди прочих подзаконных актов, посыпавшихся на нас как из рога изобилия, появилось интересное письмо Минфина от 11 декабря прошлого года. И в нем сказано: «...Если кооперативы наряду с доходами от производства и переработки сельхозпродукции, производства стройматериалов, а также осуществления строительных и строительномонтажных работ имеют доходы от других видов деятельности (независимо от того, какую долю они составляют в общем доходе), то они уплачивают в бюджет подоходный налог...»

Что же следует из этого письма? А следует из него то, что если сельхозкооператив не только вырастит, скажем, картошку, но и осмелится ее реализовать на рынке или оптом, то

он, этот кооператив, уже становится многофункциональным и должен платить изрядный налог из всего полученного дохода. Или, допустим, если в строительном кооперативе имеется грузовик, который с утра завез на стройплощадку весь необходимый для стройки бетон, то в течение дня он должен стоять на приколе, и не дай бог подвезти что-нибудь людям. За это кооператив лишается законных льгот. А ведь так можно придаться к любому кооперативу!

Таким образом, письмо уважаемого ведомства сводит практически на нет указанную в Законе льготу, а ста-

ло быть, тормозит развитие строительства и сельского хозяйства в стране. Неужели непонятно, что если теперь с кооперативов сдерут налоги из денег, предназначенных для развития технической базы (а с зарплаты у начинающих кооперативов деньги брать нельзя, она и так ниже, чем у развитых, — люди сбегут к конкурентам, и кооператив погибнет), то это задушит кооперативы в зародыше. Зато если дать кооперативам вольно дышать два года, то к своему двухлетию они придут технически оснащенными, крепкими и с большим объемом отчислений в госбюджет. То есть сторицей вернут

Р. САМОИЛОВ.

налог, дадут так необходимую народу продукцию.

Неужели в Минфине не понимают, что творят? А если понимают, то поневоле закрадывается мысль, что Минфин ненавидит кооперативы. В Краснодаре представитель местных финорганов еще и до получения этого письма всячески науськивали на кооперативы. А финорганы настраивали народ против кооперативов, преувеличивая их доходы.

Похоже, что финансисты всяким манером душат перестройку.

Я допускаю, что это решение принималось для того, чтобы под крышей льготных кооперативов не процветала непопулярная в народе торговля-закупочная и посредническая кооперативная деятельность. Но ведь ни одна уважающая себя фирма не занимается только одним видом деятельности. У нас выживают в основном только многофункциональные кооперативы. Ибо тот, кто сейчас занимается только одним видом работы, тот или недалекий предприниматель, или просто рвач, нашедший «золотую жилу»: выработает ее и бросит. Устойчивость кооперации — это ведь и устойчивость экономики всей

страны, не так ли? И коль скоро государство хочет перейти к свободному рынку, к многоукладности экономики, к ее подъему, оно должно стимулировать и многофункциональные, а значит, устойчивые кооперативы, экономическими методами формируя у них такой основной вид деятельности, который в настоящее время наиболее нужен стране. На это, собственно, и направлен Закон, выполнять который мешает финансовое ведомство.

За IV квартал 1989 года наш универсальный кооператив «Альянс», работающий по госрасценкам, получил от строительной деятельности (в том числе и на жилищных объектах города) 97% доходов от общей суммы доходов. Неужели же Октябрьский райфинотдел г. Новороссийска, как пообещали его работники, снимет с нашего счета налог, который мы сейчас просто не в силах уплатить?

Очень хочется надеяться, что Министерство финансов научится следовать законам верховной власти.

К. ПЕРЕЯСЛОВ,
председатель универсального кооператива «Альянс»,
г. Новороссийск.

ВИЛЫ БЕРЕТ ЧИТАТЕЛЬ

ВОРОНАМ КАК-ТО БОГ ПОСЛАЛ...

Двадцать восьмого января 1990 года в Московском зоопарке было совершено преступление.

Некто, вооружившись ножовкой по металлу, перелез через невысокую ограду и проник непосредственно на берег мирного и светлого озера, где на радость детям и взрослым плавают грациозные лебеди и дикие утки. Далее Некто, подойдя к одной из клеток, замаскированной сплошными железными листами под хозяйственную постройку и любовно выкрашенной сотрудниками зоопарка в зеленый цвет, отпилил дужку замка, открыл дверь и выпустил на волю находящегося в клетке ворон, предназначенных на обед хищным птицам, возможно, оставив тем самым хищников без пищи. Вот эта совокупность действий и составила собственно преступление. Следует добавить, что преступление было тщательным образом спланировано заранее. Накануне Некто, чтобы выяснить, зачем вороны находятся в клетке, вошел в доверие к одной из сотрудниц зоопарка. Ничего не подозревавшая сотрудница рассказала ему, что вороны специально отлавливаются и живьем скормливаются хищным птицам.

Уже совершив преступление, Некто в оправдание своих действий дошел до того, что стал искать статьи в периодической печати, где бы дирекция Московского зоопарка говорила о воспитательном и нравственном значении зоопарков. Естественно, в первой же подобной статье в «Юном натуралисте» № 8 за 1989 год, посвященной 125-летию Московского зоопарка, его директор Спицын В. В. утверждает: «Зоопарки просвещают и воспитывают людей, особенно детей и подростков... Важно, чтобы это как можно скорее поняли все люди...»

А теперь я хочу сделать следующее заявление. Некто — это я, автор этой заметки, Крючков Алексей Иванович, житель Москвы. Не выдавая своих соображений, с тем и сдаюсь добровольно в руки правосудия. Хотя, честно говоря, никакого «криминала» я за собой не чувствую. Видеть, как рядом с идиллической, всего в нескольких шагах, в ужасной, покрытой сплошь останками уже убитых птиц, грязной клетке, лицемерно загороженной от посторонних глаз щитами, некормленные, с перебитыми крыльями, верещат обреченные на смерть живые существа, было выше моих сил. Увещевать дирекцию, взывая к милосердию, бесполезно, а мне так хотелось возволить именно этих, находящихся в тот момент в клетке, приговоренных к смерти Каркуш. А прецедент с дирекцией уже был. Несколько раньше я наблюдал, как

хищные птицы пожирали живьем ворон на глазах у многих «воспитуемых» детей и подростков. После трех моих посещений руководства Московского зоопарка в ответ на мои настойчивые протесты директор и его заместитель Фролов В. Е. обещали что-то предпринять, но это оказалось всего лишь лицемерием, боязнью огласки через печати.

В Швеции есть закон, запрещающий издевательство над животными даже на бойне. Мы еще далеки от подобного. Строго говоря, даже директор зоопарка в вышеупомянутой статье не уточнил, что же должны воспитывать зоопарки — добро или зло. Директору как никому другому должно быть ясно, что зоопарк должен быть гуманным по отношению ко всем без исключения живым существам, а не быть похожим на печально известное учреждение на улице Юнатов в Москве по вылавливанию кошек и собак.

А. КРЮЧКОВ,
г. Москва.

ДЛЯ ЧЕГО УЧИЛСЯ?

Я работаю разнорабочим на стройке. Имею высшее юридическое образование, стаж практической работы 13 лет. Но должность юрисконсульта — 160 р., больше не тянет. Имею желание работать по специальности, но не имею возможности, т. к. у меня трое детей. А на такие деньги в наше время с семьей можно протянуть ноги. Для чего учился?

Хозяйственные руководители в своей массе юридически дремуче безграмотны. Но опытные юристы-хозяйственники ныне не в цене. В цене зато чернорабочие на стройке.

Сейчас ни от кого не услышишь, что он против перестройки. Все «за!» А что же тогда мешает? Топтание на месте, лозунги, призы-вы и т. д. и т. п. Как это всем нам знакомо!

Я сомневаюсь: бьешься как рыба об лед, считаешь копейки, чтобы дотянуть до ручки, а кто-то сотни и тысячи в день хапает, ничего не боится и плевать ему на какую-то социальную справедливость и здоровую экономику.

Не обижайтесь, если что не так. С наилучшими пожеланиями.

Николай Николаевич ПЕШКОВ,
г. Тбилиси.

КРОКОДИЛЬСКАЯ ИНИЦИАТИВА В ДЕЙСТВИИ

Благотворительный валютный ФОНД «ЛЕКАРСТВО» пополняется

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ инвалютных рублей перечислила внешнеторговая фирма «СОЮЗТРАНЗИТ» — директор С. Г. Мельник, председатель совета трудового коллектива В. И. Соколов.

ПЯТЬ ТЫСЯЧ инвалютных рублей перечислило ВВО «СОЮЗВНЕШТРАНС» — председатель объединения В. И. Алисейчик, председатель совета трудового коллектива А. И. Шередека.

«Крокодил» сердечно благодарит коллективы фирмы и объединения и желает им больших успехов!

Спасибо вам, Памела Кларк!

А теперь — сюрприз.

В адрес «Крокодила» пришло письмо от Памелы Кларк из города Портервилла, США:

«Дорогой Крокодил!

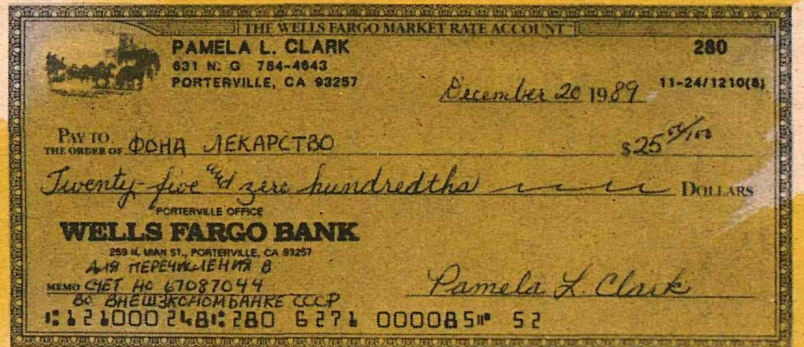
Посылаю чек на 25 долларов США в фонд «Лекарство».

Надеюсь, деньги попадут по назначению на ваш благотворительный счет».

И далее Памела Кларк пишет: «...Я обожаю читать «Крокодил». Особенно люблю карикатуры на темы охраны окружающей среды. А какая замечательная была у вас обложка журнала, на которой телерепортер берет интервью у Иуды.

С уважением Памела Кларк».

К письму приложен чек.

Мы растроганы поступком Памелы Кларк, которая пожертвовала в фонд «Лекарство» деньги из личных сбережений и благодарим ее за доброе дело и, конечно, за любовь к нашему журналу! Надемся, что у нее появятся последователи.

Напоминаем № счета для благотворительных валютных взносов:

ВНЕШЭКОНОМБАНК СССР
счет № 67087044, получатель В/О «СОЮЗФАРМАЦИЯ»
фонд «ЛЕКАРСТВО»
КРОКОДИЛЬСКАЯ ИНИЦИАТИВА

Сибирь белой костью не удивит. Сибирь — это аристократ на аристократе. Немало королей природы имеют здесь постоянную прописку. Но он, соболь, на особом счету. Он первый вельможа среди мировой пушной элиты. По протоколу достойны стоять рядом с ним только калан и шиншилла. Капризные модницы, всего света, топя ножкой, требовали и требуют русских соболей. Почему именно русских? А других просто-напросто нет. Когда-то соболь квартировал от дальневосточных окраин до Прибалтики. Но лесной вельможа поплатился за свою красоту шкуркой. Остальных сослал в Сибирь.

Но и бескрайняя сибирская тайга плохо укрывала свое богатство. Пушную знать безучетно расстреливали в двадцатые — тридцатые годы. Если столетие назад — в 1889 году — только на одной Ирбитской ярмарке была продана 61 тысяча агатовых шкурок, то уже к середине тридцатых — страна могла добыть всего 7 тысяч. Спасибо, спохватились и в течение не одного десятилетия рачительно восстанавливали запас «мягкого золота» с помощью государственных заповедников и заказников. Зоографическая кривая знатного зверька резко подскочила.

ШАПКА ДЛЯ ЕРЁМЫ

У бородача Трофимыча глаз зорче, чем у молодой рыси. Ветеран промышленности в тайге более полувека. Мальчиком работал «стукачом» — колотушкой выстукивал из дупла зверька под выстрел дяди-охотника. Сейчас опытный промысловик Николай Трофимович Гамаюнов без промашки выцеливает ягоды и грибы. Голубика, рябики входят в задание охотника. Еще Трофимыч метко стреляет белку. Соболя берет немного: на участке его негусто — бережет. Вычисти тайгу сегодня — скучно охотнику станет завтра.

Усть-Удинский госпромхоз — один из самых соболиных в объединении «Иркутск-промохота». Но ветерана войны и тайги Гамаюнова тревожит судьба пушного короля. Браво выпячивая медальную грудь на празднике, смеет охотников, Трофимыч прячет голову от убойных цифр. Парадные очереди с трибуны прошивают грудь до сердца. Но, слава богу, немало охотников, которые живут тоже не одним днем, их в меньшей степени беспокоит состояние лесных уголков.

Что разрывает сердце Трофимычу и другим ранним охотникам?

Облава на соболя. Вселенский вооруженный поход на беззащитного короля.

Жалкие закупочные цены на пушнину,

Николай САМОХВАЛОВ,
специальный корреспондент Крокодила

Летите, соболи!

которые царствовали до недавнего времени, не очень подгоняли добычку в лес. И «черное золото» охотнее поступало на черный рынок. Гремели стеклянной валютой (бутылками) перекупщики-жулики, возводили в таежных поселках рубленые дворцы подпольные воротилы. Когда казанско-ленские промысловиков отца и сына Зыряновых задержали в аэропорту с ворохом сокрытых соболей, то еще двадцать обнаружил у них в подвале дома рядом с картошкой.

Соболь вышел из подполья, когда вдвое-втрое повысилось вознаграждение охотнику. Шкурка стала цениться от ста до двухсот рублей (чем чернее, тем ценнее!). Казалось бы, куда как здорово. Но при умножении закупочных цен мало выиграли «дешевые» звери: горностаи, белка, ондатра, особо пользующиеся любовью у широких слоев рядового населения. И дорогой соболь весь огонь принял на себя. Легальные баснословные заработки родили лавину охотничьего азарта. Зачем тратить силы и время на такую мелкоту, как трехрублевая белка-свистелка, если скачут по деревьям крупные купюры? Поймал в стальные капканы за три зимних месяца 10—15 тысяч — ползевый лето в потолок. В тайгу поехали и полетели добычки-любители — в отпуск, на каникулы, в служебные командировки. Завязалась война за промысловые уголья. Любители профессионально укутывают тайгу родственно-приятельскими связями и отнимают лакомые чаши у аборигенов.

Соболь очень скоро почувствовал, как горит земля под ногами. Не глухая тайга — сплошные вороненные стволы и волчьи пасти капканов.

За сезон по семьдесят и сто шкурок сдают промысловики. А сколько не сдают? Конечно, существуют лимиты на отстрел. Знамо, есть охотнадзор. Но жена сильнее.

Охотника Николая Кошкина, жителя поселка Ерёма, взяли за воротник: не сдал

двух соболей. «Жена просила шапку!» — простодушно пояснил житель поселка Ерёма.

А ведь имеются еще сестры, тети, свяченицы. Соседки, наконец. Красота, увя, не спасает животный мир.

Имей возможность купить в сельмаге не столь дорогую, но не менее пушистую шапку, женщины поселка Ерёма, равно как и другие прекрасные представительницы Сибири, не охотились бы исключительно на лесную знать.

А пушистых шапок нет на прилавке, оттого что мужья-охотники отворачиваются от горностаи-белки-ондатры — порохо дорожке государственного вознаграждения. Нет сметливой разворотливости и гибкости у Госкомитета по ценам.

Алчный капкан косит соболя подчистую. Если, к примеру, в 1980 году была взята в тайге 131 тысяча элитных голов, то уже в 1986-м, через год после повышения закупочных цен, — 241 тысяча.

СТРЕЛЯЮЩИЕ СОСНЫ

Много убийнее нарезных «ТОЗов» и волчьих капканов орудия лесоповала. Ибо хищные леспромхозы Минлеспрома СССР за деловой древесиной не видят леса. Скорость вырубки растет, тайга мельчает. Руби напролом — потом разберем!

А тут еще открылась в тайге ныне модная охота на валюту. В белые сугробы шагнули китайцы, корейцы, вьетнамцы. С российским размахом ошкуривает тайгу безотказная японская техника. Стремясь заштабелевать валюту, лесораспределители готовы отдать всю Сибирь до последнего сучочка и ягодки.

В панической тревоге степенные охотники-эвники Катангского района. Здесь, на севере Иркутской области, даже несплошная рубка деревьев пагубна. Оставшиеся без товарищеской поддержки сосны падают — нет крепости у земли. Вместо хвойных исполинов вырастают банные веники. А кто видел на венике соболя? Удача, если подселится заяц. И придется самым опытным соболятницам с Нижней Тунгуски Анне Ивановой и Агафье Монго сдать в металлолом ружья и капканы. А может быть, и поменять местожительство.

Что беспризорная тайга! Приказывают долго жить выпестованные заказники. То в один, то в другой вламывается мощная техника.

Обнаружив, что гусеничные «глухари»

затоквали в райских куцах заказника «Туколонь», районный охотвед В. Бережной вскинул карабин наотмашку, как дубинку. «Глушите моторы — включите совесть!» — возвал. — Ударному строительству БАМа сопутствовало не менее ударное уничтожение матери-природы. Чтоб хоть как-то уберечь животный мир, замыслен тихий уголок!»

Но не услышан был человеческий глас в грохоте плановых свершений. И вот результат: Казачинский коопзверопромхоз заготовлявал недавно две тысячи соболей, сейчас, невзирая на возросшие стимулы, едва наскребает 900.

Русская безалаберность на японских колесах не щадит даже особо ценную прибайкальскую зону. Куртунский заказник — рукой подать до славного моря. Река Куртун сберегает в прохладе лесов воды для Байкала. Но множится большая зона от якобы неотложных лечебно-санитарных операций в лесу. Под видом прокладки парезов необходимых дорог прорубаются тропки к экспортным заготовкам и импортным поставкам привлекательного ширпотреба.

Кошачья заокеанская техника тихой сапой подкрадывается и к другому байкальскому заказнику — «Кочергатскому». Вершины Правого и Левого Замков этого таежного уголка — столица особо ценного (черного) баргузинского соболя. А у проворных порубщиков одна песня: «Эй, баргузин, пошевеливай лесоповал!» Кто заступится за голого пушного короля?

Боевое подразделение Главохоты РСФСР, «Иркутскпромохота» не жалеет пороха, начиная гневные бумаги в Иркутское лесохозяйственное территориальное объединение, в облисполком, в облпрокуратуру. Дескать, вопиющее преступление — покушаться на заказники!

Но, пушечно ухая, валяются баргузинские кряжи.

И потому Крокодил стучит лапой в Госкомитет по лесу: слышишь ли, строгий страж, размашистый топор в пушной тайге?!

В самую пору сильно встревожиться новому российскому Верховному Совету — под угрозой истонченное богатство России. Изведем-истопчем таежное захолустье ради сиюминутной выгоды — природное изобилие нам махнет хвостиком. Уже какие прорехи! Из 17 заказников Иркутской области в четырех соболиный бор уже вырублен полностью, в пятом — наполовину. Ох и лота эта валюта!

СОБОЛЬ-СОКОЛ

Соболь взмыл выше макушек самых кряжистых сосен. Когда понял, что крылатая клетка уносит его прочь от родной прибайкальской тайги, вольнолюбивый зверек прогрыз обшивку «АН-12» и выпрыгнул из самолета.

Зря, между прочим. Возможно, в других краях, куда его намеревались переселить для распада, было бы ему сытнее и комфортнее. А что ждет в родных местах? Летите, соболи!

Иркутская область.

Союз кинематографистов СССР

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Ленинград, 191011, ул. Тельманова, 12

Тел. 215-22-83

28.12.89 № 297

Главному редактору
журнала "Крокодил"
т. Пьянову А.С.

Копия: Директору
Издательства "Книга"

КТО ОТВЕТИТ ЗА АНЕКДОТ?

Как же упала отечественная смеховая культура и насколько привычными стали гонения на юмор, если кинематографисты города, еще не забывшего травлю Зоценко, требуют извинений за анекдот! Отношение к смеху — часть национального самосознания. Все газеты Франции печатали карикатуры на де Голля, и это не оскорбляло его и не вредило авторитету президента. Вольтер осмеял национальную героиню Жанну д'Арк, и его никто не обвинил в франкофобии, а без этой вседозволенности смеха во Франции не воцарился бы дух свободы. Боятся анекдотов только шариковы, а Сталин за анекдоты даже сажал. Однако вопреки всему даже в самые безгласные времена существовала гласность на анекдоты.

Авторы письма себе противоречат: с одной стороны, они милостиво разрешают публиковать анекдоты. С другой — требуют, чтобы анекдот был не анекдотом, а исторически достоверной справкой. Позволю себе обратить внимание авторов возмущенного письма на популярное определение анекдота в Советском Энциклопедическом Словаре: «Короткий рассказ об историческом лице, происшествии; жанр фольклора, короткий вымышленный (подчеркнуто мной. — Ю. Б.) юмористический рассказ с неожиданным концом».

Неужели правление ЛО СК СССР обсуждало на своем заседании анекдот, голосовало и принимало специальное решение? Или от имени правления можно писать письма, не спрашивая его мнения? Неужели письмо подписал В. Борто — режиссер замечательного фильма «Собаچه сердце»? Вот был бы анекдот! Однако, к счастью, перед подписью стоит черточка, на бюрократическом языке означающая: кто-то расписался за председателя безответственной закорючкой. Поэтому есть надежда, что у В. Борто и у правления ЛО СК СССР с юмором все в порядке.

Юрий БОРЕВ.

Уважаемый тов. Пьянов!

В номере 35 вашего журнала за 1989 год помещен материал, именуемый "Из книги исторических анекдотов В.Борева". Мы не собираемся оспаривать право журнала, оружием которого является сатира и юмор, публиковать анекдоты, даже если их качество и вызывает сомнение. О вкусах не спорят. Но у редакции журнала и его авторов нет ни юридического, ни этического права выдавать за исторический факт заведомую неправду.

В опусе "Шлохо" автор материала с ссылкой на свидетельство Г.А.Товстоногова рассказывает о показе после войны Г.М.Козинцевым своего фильма Сталину и о конфузе, который в результате получился. К сведению редакции, ни во время войны, ни после нее, Козинцев со Сталиным не встречался и фильмов ему не показывал. Вряд ли и Георгий Александрович рассказывал подобную чушь. Таким образом оскорблена память сразу двух выдающихся советских режиссеров.

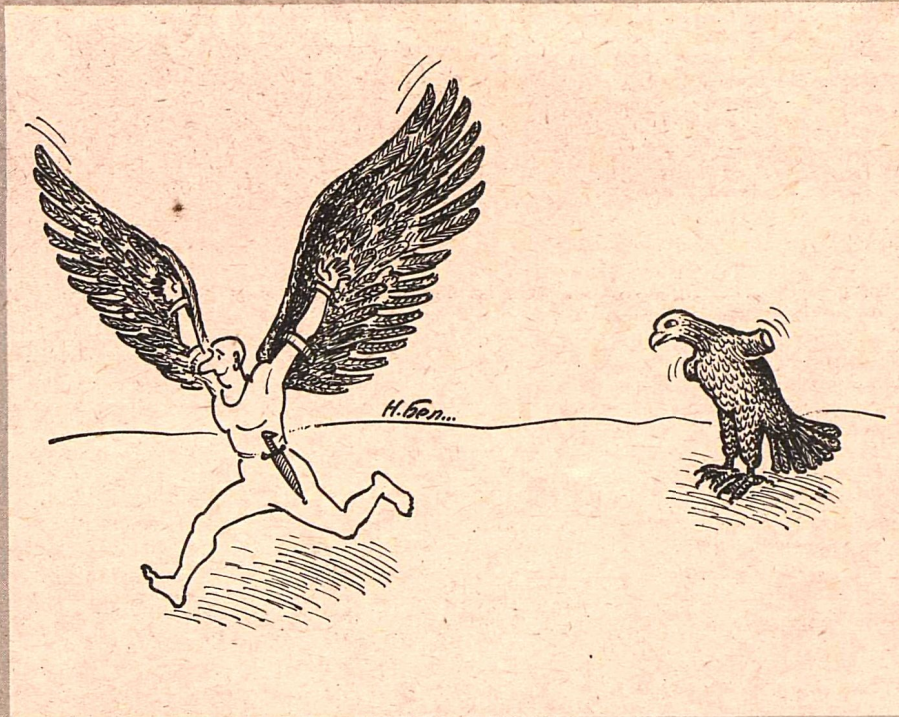
Правление Ленинградского отделения Союза кинематографистов СССР настаивает на публикации вашим журналом извинения перед читателями и теми, кто лично знал этих художников.

Председатель Правления ЛО СК СССР

В. Борто

О. ТЕСЛЕР, Р. ДРУКМАН (тема).

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

В. ДМИТРИУК, Ю. СТЕПАНОВ (тема).

— Нельзя тебе, Сидоров, выходить из партии. У тебя еще не снят строгий с занесением.

В. ПОЛУХИН, В. ВЛАДОВ (тема).

Р. ДРУКМАН.

Юрий
БЕЛЯВСКИЙ

ТЕТКИН ВОПРОС

Толпа, ожидавшая открытия магазина «Электротовары», сжималась, расширялась, колыхалась и гудела. Со стороны она более всего напоминала маленький кусочек мыслящей биомассы с таинственной планеты Солярис, выброшенный на заплыванный пятачок столичного асфальта.

— Интересно, электрочайники есть? — произнесла дама пенсионного возраста в разношенных кроссовках.

— Да что чайники! — темпераментно откликнулся мужчина, из-за многодневной щетины похожий на абрека. — Я жене, понимаешь, клятву дал: пока пылесос не достану, бриться не буду, — сообщил он и выразительно провел рукой по заросшим щекам.

— Ой, миленькие, может, знаете, а холодильники будут? Такие, с двумя морозилками? — оживилась рослая тетка деревенского вида, из-за двух сумок (одна — впереди, другая — сзади) похожая на парашютистку-десантницу.

От наивной нелепости ее вопроса мыслящая биомасса просто задохнулась.

— Ты чо, ты чо, с Америки приехала? — напористо выражая общественное мнение, подступил к ней здоровенный малый в лыжной шапочке.

— Не-е, с Нижне-Фердыщенска мы, оттудова будем... — несколько оторопев от напора, призналась десантница.

— А-а-а! — в едином порыве облегченно вздохнула биомасса. — Холодильник ей подавай! Двухкамерный!! А больше ничего не хочешь?!!

Тетка, возможно, хотела и чего-нибудь еще, но, быстро осознав всю беспочвенность своих притязаний, обессиленно присела на ступеньку и, закрыв лицо натруженными ладонями, сухим, бесслезным голосом запричитала: «Ой, господи, и куда ж это все подевалось?»

Последний вопрос, видимо, давно и сильно занимал воображение присутствующих, потому что мгновенно посыпались строго научные версии товарного голода:

— Кооператоры все на корню ску-

пили! Поляки с вьетнамцами вывезли! — несло со всех сторон.

— А я говорю — заговор! — лихорадочно блестя глазами, иступленно-тонким голосом верещал невидный мужичонка в потертой телогрейке из ткани «болонья». — Наша мафия сговорилась с этими... международными темными силами и гноит все подряд! Извести хотят русского человека!

— А нэрусского? — спросил небритый человек.

Они с мужичонкой некоторое время обменивались ненавидящими взглядами и уже примерялись, как бы поудобней взять друг друга за одежду для окончательного выяснения межнациональных отношений, но тут наконец открылись двери магазина и мыслящая биомасса, забыв обо всем, сопя и толкаясь, ринулась в его полупустые недра. Был здесь и я, но скоро выбрался наружу с помятыми боками, потеряв две пуговицы от плаща и еще более, чем раньше, отягощенный неосуществленной мечтой о приобретении трех лампочек на 220 вольт по 60 свечей каждая.

Полузадохнувшийся от тесноты и злости, брел я к себе в редакцию, бормоча массу непереводаемых слов из неисчерпаемых запасников богатейшего в мире языка, и только последние остатки мужской гордости мешали мне закрыть лицо руками и заголосить грубым басом: «Ой, господи, и куда же это все подевалось?»

Когда я рассказал обо всем увиденном своему начальнику, то вместо слов, сочувствия услышал: «Больно ты нежный стал, как я погляжу! Помяли его полчаса в очереди, а он уже и расстроился! Куда делось? А ты вот возьми и разберись!» С этим наказом он положил на мой стол несколько пухлых сборников Госкомстата.

Может быть, когда-то статистика и знала все. Может быть, и сейчас она способна ответить на какие-то вопросы сильно ученым людям, расставляющим цифирьки сначала вертикальными ко-

лонками, а потом горизонтальными рядами и на основании этого делающим выводы о том, что «ремиссия общественного производства вследствие затянувшихся стагнационных процессов сменилась сублимацией кризисных явлений». Нам-то с теткой из Нижне-Фердыщенска по отдельности и со всеми вместе надо бы разобратся в простом и немудреном: «Куда ж это все подевалось?»

Наша советская тетка, видимо, тем еще и отличается от всех остальных теток мира, что ей недостаточно собственными глазами увидеть: ничего нет. Ей еще объяснения требуются — куда делось и сколько нужно потерпеть, чтобы появилось.

— Граждане философы (экономисты, социологи, футурологи и пр. пр.), — вопрошает она, — то, что вы не в состоянии переделать мир, нам давно сообщили, но уж объяснить-то его во все времена считалось вашей святой обязанностью. Так валяйте объясняйте!

И ей уныло и наукообразно разъясняют.

Про то, что эра фондирования закончилась, а эра оптовой торговли еще не началась. Про групповой эгоизм и индивидуальное снижение производительности. Про недостатки централизованного планирования, родного и привычного, и преимущества рыночной экономики, которую большинство из ныне здравствующих и в глаза не видывали.

Но товаров от разъяснений не прибавляется, а прибавляется тоски и безысходности. И еще ощущения, что чего-то главного ей недоразъясняют. Что тут имеется обвес по части единственного товара, который нынче в избытке, — гласности.

Потому что если Госкомстат (отныне прямой и суровый, а не лукавый, как бывшее ЦСУ) прямо и сурово сообщает, что производство электрочайников сократилось на два процента, то тетка догадывается, что ремиссия ремиссией, стагнация стагнацией, а чайников-то должно не хватить в самом крайнем

случае двум процентам желающих, а не хватает ну просто абсолютно всем. А если производство пылесосов и вовсе увеличилось, хоть на пять процентов, но увеличилось, то где же они, извините, пылесосы? А двухкамерные холодильники? Их-то и вовсе на 30 процентов сделали больше? А утюгов на пятнадцать, а стиральных машин на девять. Они-то все где?

— Ах, вы про это? — удивляются нашей с теткой непонятливости разъясняльщики. — Так тут все просто: разбалансированность рынка и нарастающий неудовлетворенный спрос.

— А разве он был у нас когда-нибудь, баланс-то этот? — в свою очередь, удивляемся мы. — Сколько себя помним, всегда чего-нибудь не хватало. И кто ж его, рынок этот, так разбалансировал? Может, какой внутренний враг-вредитель или закордонный диверсант по балансу кувалдой бил, а мы и не заметили?

И вот наступает, можно сказать, момент истины. Тетке сообщается секрет секретов и почти самая главная государственная тайна. Она, тетка, оказывается, сама во всем кругом виноватая.

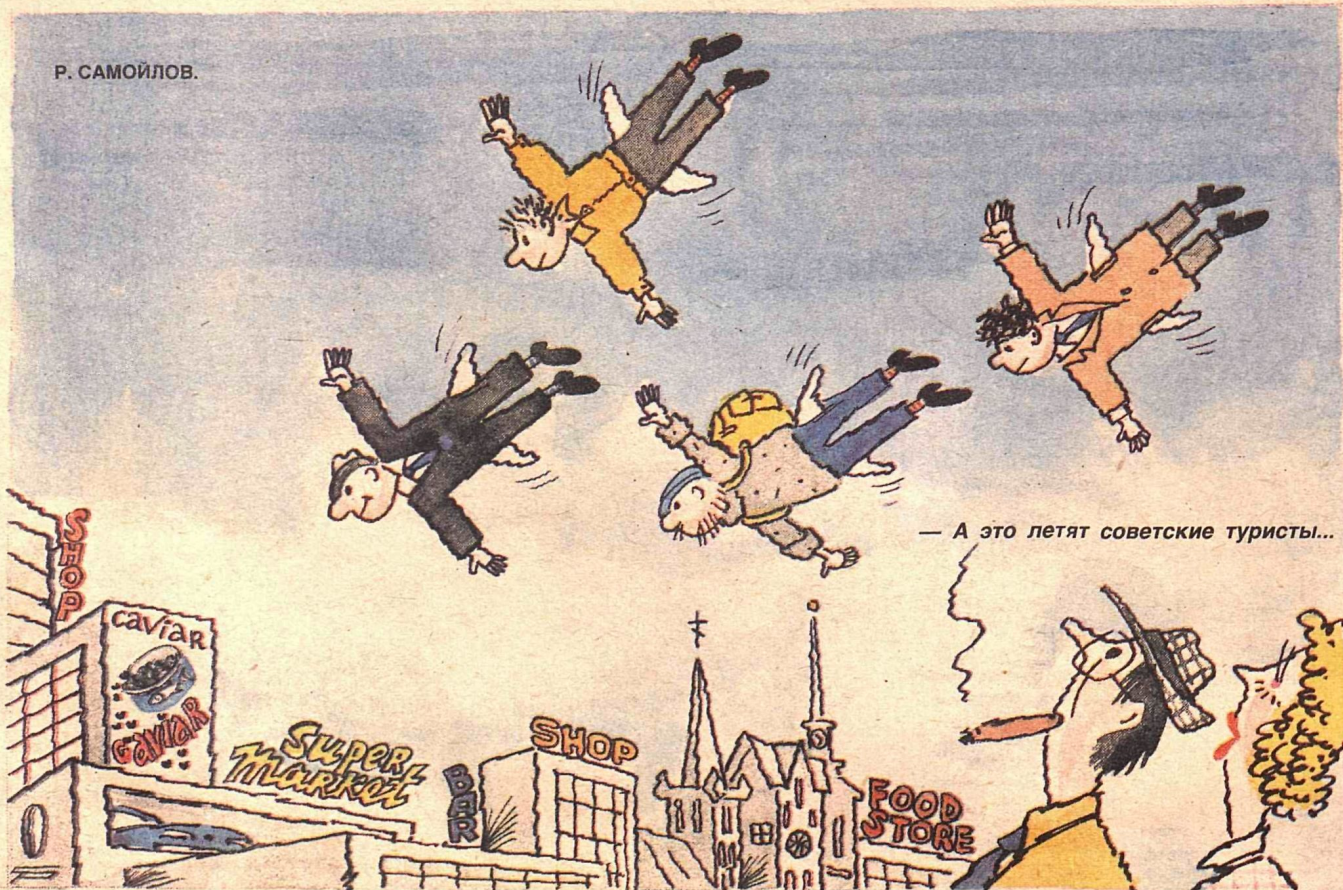
— Господи, — испуганно оглядываясь по сторонам, бормочет тетка, — чем же я снова вам не угодила, граждане начальники? Я ж стараюсь, как вы велели... Я ж теперь активная — хоть на субботниках, хоть на забастовках. Я ж теперь политизированная — на митинги хожу, прессу без принуждения подписываю.

— А хотя бы и тем, что денег у тебя много завелось! Процентом так на 12 больше, чем положено, — строго разъясняют разъясняющие.

— Да разве? — удивляется тетка, ощупывая карманы. — То-то я смотрю — раньше до полочки трешки не хватало, а теперь червонца.

— Да мы не тебя конкретно имеем в виду, — снисходительно улыбаются в ответ, — а тетку, так сказать, обобщенную среднестатистическую... У нее, у среднестатистической-то, за один только 1989 год 64 миллиарда рублей денежной массы приросло.

— Ладно, — неожиданно соглашается тетка, — у соседей и вправду денег больно много стало. Ну так люди здесь при чем? Деньги не самогон, из талонного сахара не нагонишь. Не мы ж их печатаем. У нас и станка такого нет. Это уж не мы с соседями, а вы с Гознаком...

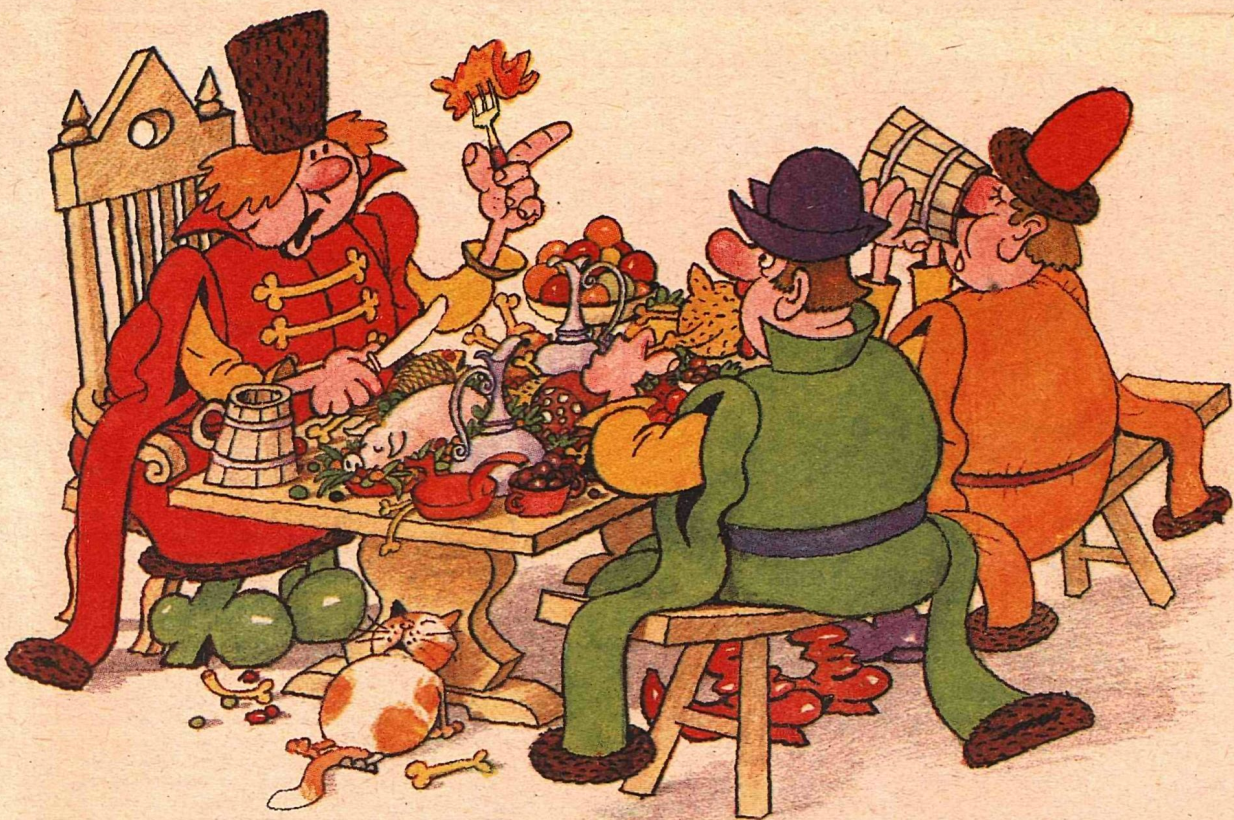
КИНОЗУБ

Везет же Бабелю, ничего не скажешь! Написал одну пьесу с названием «Закат», а ее хватило сразу на три фильма. Правда, следует признать, не одноименных. И студии разные, и режиссеры, и даже «по мотивам» разнятся, а также по количеству инъекций в виде сюжетов из «Одесских рассказов».

Режиссер В. Алеников снял на киностудии Горького мюзикл «Биндюжник и король», все герои которого пляшут и поют. Вполне артистично и азартно (это я про актеров). Причем представители старшего поколения — А. Джигарханян, З. Гердт, Р. Карцев, Е. Евстигнеев делают это чересчур профессионально, а младшего — во главе с рок-кумиром М. Леонидовым — более азартно. Ах, если б молодость умела, если б, скажем мягко, зрелость кипела!..

Зато на экране все очень и очень красиво, вплоть до розовых штiblет с золотыми шнурками у Бени Крика. Не говоря уже о закате, Молдаванке и Одессе той золотой, незабвенной (по литературным воспоминаниям, конечно) поры, которая воспроизведена в картине, если и не строго по Бабелю, то вполне в жанре мюзикла.

Правда, насколько мне помнится, у того же Бабеля Маруся любила больше публично наряжаться, нежели обнажаться. Впрочем, особых претензий по этой части не имею. Во-первых, как говорится, есть на что посмотреть, а во-вторых, понимаю: в эпоху развитого эротизма нашего

— А харчей потому у народа нет, что работает спустя рукава.

— Да, насчет денежной эмиссии... Это, конечно... Малость негативно получилось... Но зато...

А поскольку никаких таких позитивных «зато» нынешней тетке не вкрутишь, то тут разнокалиберные разъяснители ударяются кто во что горазд.

Ей и про живоготов-кооператоров всю правду-матку преподнесут, и про пятьсот тысяч новоявленных миллионеров подзагнут. А потом еще тысячами вагонов с заморскими чудо-товарами, которые по чьей-то злой воле месяцами неразгруженными стоят, поманят. (Вы покажите тетке, где они, вагоны эти! Она сама их за ночь разгрузит, а на следующее утро и раскупит все, что в них так долго лежало. Если, конечно, лежало...)

А пока, напуганная да тоскливая, закрыла она лицо ладошками и свое

причитает: «Ой, господи, и куда ж это все подевалось?»

А может, хватит тетку пугать да морочить? Потому что с перепугу даже самая терпеливая тетка в мире такое отколоть может, что ни один астролог, даже получающий информацию напрямую от инопланетян, предсказать не в силах. А уж разбушевавшуюся тетку даже сводная дивизия Кашпировских и Чумаков не удержит. Никакими «установками на добро».

Есть только одно добро, способное охладить гучность теткингого вопроса. Добро, лежащее на прилавках и продающееся за деньги. Каждый день и из месяца в месяц. И тогда не надо будет тратить так много времени и слов, чтобы пытаться тетке что-то этакое объяснить. Все, что ей нужно знать, еще в раннем детстве бабушка объяснила.

— Вот это, внучка, товар, — говори-

Г. ОГОРОДНИКОВ, А. ДЕГТЯРЕВ (тема).

ла бабушка. — Чтоб его купить, нужны деньги, а чтоб были деньги, нужно работать. И повелось такое, деточка, на всем белом свете испокон веку. И все народы во всех странах так и живут.

Только вот вся последующая жизнь доказывала тетке нечто прямо противоположное старушкиным словам. То денег нет, то купить на них нечего. Или наоборот. А жить по бабушкиной мудрости тетке всегда хотелось, да и сейчас хочется, ведь ничего не скажешь — права была бабушка!

Так что главная установка тетки — на добро! Вот его-то ей и следует дать. Причем срочно. Потому что терпелу у нее осталось не больше, чем до следующей получки.

А где добро взять, с какого Марса-Сатурна завезти, ее не касается. Как теперь принято говорить, это не ее вопрос.

ГЕРОИ БАБЕЛЯ НА ЭКРАНЕ

МЮЗИКАЛЬНЫЙ «ЗАКАТ»

пресыщенного зрителя без этого в кинозал не заманишь.

И музыка А. Журбина — одного из самых «музыкальных» наших композиторов — великолепна, и песни, и стихи. Кроме некоторых... Например, припев «Время идет — дай времени дорогу!», который четко напомнил мне недавние марши про Родину, Партию, Комсомол и Весну, громогласно звучавшие на первомайских демонстрациях.

И вот ведь какой парадокс получается! Все вроде бы по отдельности хорошо — и танцы, и музыка, и Бабель, а не складываются эти «кирпичики» в стопроцентный мюзикл, как единство и органичное слияние компонентов. Ведь кусок мяса и фарш, приготовленный из этого же мяса, — две большие разницы (так, помнится, говорят в Одессе). Хотя, с другой стороны, при нашем вечном дефиците музыкального жанра (когда «Кубанские казаки» уже не нравятся, а от сегодняшней «киночернухи» слегка, но подтащивает) кто же из зрителей откажется и от хорошей, сочной котлеты, то бишь «двухсерийного музыкального художественного фильма по мотивам произведений И. Бабеля»?

Равно как кто не побежит смотреть новую работу бессмертного создателя юющих мушкетеров — Г. Юнгвальда-Хилькевича — «Искусство жить в Одессе» (на какой студии снято, объяснять, надеюсь, не надо)? Тем более что она реализована по мотивам того же Бабеля! Опять же актеры какие задействованы: С. Колтаков, О. Табаков, А. Петренко, С. Крючкова, А. Ширвиндт, З. Гердт (ну, какая же экранизация Бабеля без Гердта). И играют отлично. Правда, некоторые молодые исполнители чересчур старательно выговаривают свой текст, очевидно, не успев за время съемок усвоить неповторимый язык бабелевских персонажей, и пытаются компенсировать это, нажимая на одесский акцент с упорством, достойным лучшего применения.

А какое море на экране, какое солнце, какой песок!

Всесоюзная здравница, да и только, как в рекламных роликах. И люди очаровательнейшие, элегантнейшие, остроумнейшие, несмотря на то, что сплошь налетчики. Вообще жизнь в Одессе была прекрасна и ослепительна, как в райском саду, но только «до революции». Ибо буквально

в следующем кадре и климат резко испортился, и архитектура в упадок пришла — на экране сплошь дожди, слякоть, грязь и разруха. И голодно стало, и холодно, а главное — неуютно. Очень может быть, что все так и «було». Но, как мне кажется, все же не в одночасье, не в один момент, а главное — не так по-плакатному в лоб, не так карикатурно. Откуда-то появились все эти кошмарные чекисты и красноармейцы с дебильными лицами и маниакальной жадной убийства, начали гоняться за беззащитными налетчиками, заодно терроризируя мирное население с той же бессмысленной жестокостью, с которой в боевиках минувших лет этим занимались исключительно белогвардейцы и бандиты. Помнится, у того же Юнгвальда-Хилькевича в его музыкально-революционных «Опасных гастролях» подпольщики были как на подбор элегантны, остроумны, сверхположительны, а жандармы выглядели исчадиями ада. Теперь времена изменились, теперь нужно снимать перестроечное кино. А рецепт прост: меняй себе «плюс» на «минус» и наоборот, да не жалея краски, перекрашивая героев — кого в черный, кого в голубой...

А третьего кино — «Заката» Бабеля, только что отснятого на «Мосфильме», — я еще не видел, зато перечитал его рассказы. Господи, до чего же здорово писал!

Если б нам так снимать!...

П. СМЕРНОВ.

ТРУСЦОЙ НА ПАРНАС!

ХЛЕБ-СОЛЬ

Мы земли орошали без ума,
Теперь за тяжкий грех
пришла расплата:
Ведь соли в землях, скажем прямо,
Тьма,
Но хлеба на тех землях маловато.

УТЕЧКА МОЗГОВ

Коль будут и дальше в утечке мозгов
Тенденции столь нездоровые,
В Отечестве через десяток годов
Останутся... пустоголовые.

ХОЗРАСЧЕТ

Давно привлекает проблема путан
Не только милицию и пуритан,
Поскольку они без кредитов и ссуд
В стране хозрасчетную вахту несут.

Н. Разумный, геолог, г. Донецк.

В перестройку стойко веря,
Я одно не знаю только:
Сколько лет продлится пере,
Прежде чем начнется стройка.

И. Хрипта, преподаватель,
г. Дрогобыч.

ЧЕСТНОСТЬ

Чтобы кривотолков избежать,
Бармен вежливо предупреждал:
— Нынче пиво я не разбавлял,
Так что буду вам недоливать.

А. Кордюк, г. Херсон.

Взывали с трибуны, слезу утирая:
«Малы пенсии, прибавить бы надо!»
Внимал власть имущий, согласно кивая,
И скоро удвоил себе он оклады.

Н. Щелков, пенсионер,
г. Семипалатинск.

БЕСЕДА О ГОРЕНИИ

— Давай, браток, поговорим.
Горим в работе?
— Не горим!
— Но почему мы не горим?!
— Да многовато говорим.

А. Серафонов, г. Можайск.

«Его величеством» у нас
Давно зовут рабочий класс.
Моя мечта иного рода:
Пожить бы, как «слуга народа».

А. Криницкий, г. Николаев.

О МЕБЕЛИ

Кресло в космосе летает,
Космонавт в нем восседает.
Репортаж смотрю я стоя —
Где бы кресло взять простое?

С. Жбанков, г. Смоленск.

О НОВОЙ СТАНЦИИ МЕТРО «КОНЫКОВО»

Мне в Москве большую честь воздали
И в метро поэтом нарекли:
Лермонтова станцию убрали,
Станцию Конькова возвели!

Ф. Коньков, г. Москва.

ЮВЕНАЛ, ВЧИТАЙСЯ!

На минутку облачившись в белоснежные одежды, бывшая судейская коллегия с грустью напоминает всем своим возлюбленным читателям-сатирикам: творческий марафон «Трусцой на Парнасе!» завершен (см. № 9). Однако сатиры, присланные в марте, а также в День смеха, обязательно будут рассмотрены и лучшие из них опубликованы. После же 1 апреля стихи присылать не надо. (В скобочках достоверно сообщим: даже белые свои одеяния судейская коллегия завтра же намерена сдать в химчистку.)

Гостиная в доме Кривосудова. В глубине сцены огромный стол под красным судейским сукном, достигающий символических размеров.

СОФЬЯ И АВДОТЯ КАРПОВНА
СОФЬЯ

Ой, что я вам сейчас скажу! Вчерась Он, тетушка, мне сделал предложение.

АВДОТЯ КАРПОВНА

Не может быть! Ведь он же знатный князь. Семь тысяч душ. Богатые именья. Геройски воевал и ранен был в сраженьи. Чин заслужил высокий на войне. Да о подобном лестном предложеньи, Вот крест святой, и не мечталось мне! А образован как на европейский лад! И выглядит приветливо и мило.

СОФЬЯ

Я с батюшкой еще не говорила.

АВДОТЯ КАРПОВНА

Кто-кто, а батюшка зело как будет рад. Ведь он из нищеты пробился в судьи. Что это стоило, сердечному, ему! Для князя мы второго сорта люди. Как он на брак решился, не пойму.

СОФЬЯ

Любовь! Любовь!

АВДОТЯ КАРПОВНА

Отколь она взялась?

Как? Почему?

СОФЬЯ

Ты разве позабыла,

Когда в Москве я у тебя гостила, К нам каждый вечер в дом являлся князь. Он сядет рядышком, а я вяжу. Молчит. И я ни слова не скажу.

АВДОТЯ КАРПОВНА

А я?

СОФЬЯ

Ты здесь же в сей счастливый час В своей любимой бархатной накидке... Мы вместе с ним разматывали нитки. Вот эти нитки и связали нас.

АВДОТЯ КАРПОВНА

Признайся, я была глупа на вид — Мол, экая нелепая старуха. В свои года настолько близорука — И в двух шагах любовь не разглядит.

СОФЬЯ

Какую свадьбу мы заткнем — на весь мир! Музыка, танцы!..

(Хватает тетку, кружит ее, та отбивается.)

АВДОТЯ КАРПОВНА

Нуте, озорница!

СОФЬЯ

А я вся в белом, словно лебедь-птица.

Ну и, конечно, грандиозный пир!

Чтоб каждому была на нем улада.

АВДОТЯ КАРПОВНА

Ей-богу, разобраться не могу,

Чему ты, глупая, в мечтаньях больше рада — Веселой свадьбе или жениху.

(Уходят. Входят ПРЯМИКОВ И ДОБРОВ.)

ДОБРОВ

Ох, сударь, не хочу я вас пужать, Но вам беда грозит, беда большая. Как чин судейский, я не стал бы разглашать Служебный сей секрет, но, уважая Всем сердцем вашего покойного отца, Что благороден, добр и знатен был по крови, Я о соседе вашем Праволове Все то, что ведаю, скажу вам до конца. Свет не видал такого подлеца!

ПРЯМИКОВ

Добров, что вы имеете в виду?

Он славный малый, хоть не больно знатен.

ДОБРОВ

Он ябедник, он на донос, на клевету, Как ворон, на любую падаль жаден. Вор, взяточник. Берет он все, что плохо Лежит. Притом берет наверняка. Сребром откроет залп из кошелька — И стряпчих наповал. Опаснейший пройдоха! Он знает все подкопы, щели, лазы — Как забежать к судье, с которого крыльца, Кому в подарок шелк,

ну, а кому винца,

Как хитроумно вывернуть указы, Кому рыбалку с доброю ухой, Супругу чью обрадовать дохой, Или в подарок с бубенцами тройку. Как заманить кого на щедрую попойку, Кому в картишки проиграть.

Или в момент,

Коль надобно, подчистить документ. Я должен по секрету вам признаться, У вас именья отсудить замыслил он. А вам ли с лихоимцем сим тягаться!

ПРЯМИКОВ

Нелепость! Вздор! Ведь есть у нас закон. С чего мне, честному, мошенника бояться?

ДОБРОВ

Мои слова не разумели вы, видать, Позвольте вам загадку загадать. Как вор поступит с честным человеком? Он вор. И он как вор поступит с ним. А честный, как поступит с воровом?

Как с родным,

Себе подобным честным человеком. Теперь скажите, кто из них сильней, Кто победит в опасной схватке сей?

ПРЯМИКОВ

Законы все же есть!..

ДОБРОВ

Конечно, есть. Законы наши святы, Но исполнители — лихие супостаты. За деньги можно все:

неправый — прав за деньги.

Вор — честный барин. Честный барин — вор. Докажет он, что ваши деревеньки Отцом завещаны не вам.

ПРЯМИКОВ

Да что за вздор!

ДОБРОВ

Не вам, а вашей маменьке покойной.

А та их Праволову продала От вас в секрете. Документ достойный Все подтвердит. Вот как вершат дела

По всей Руси! И коли уж беседа

О судьбах обездоленных зашла,

Я расскажу, как бедного соседа

Сосед богатый разорил дотла.

Не так давно история была.

Бедняга правды так и не дождался

И вскоре умер от сердечных ран.

А сын-гусар в разбойники подался,

Стал атаманом, грабящим дворян.

Ох, бойтесь, бойтесь! Быть большой беде,

Ощиплют вас, как коршуны синицу.

ПРЯМИКОВ

Но есть столица! Обращусь в столицу.

ДОБРОВ

Столица где? А ваши судьи где?

Да и столица бьет поклоны мзде.

Поверьте, лучше при такой беде

От сих воруя деньгами откупиться,

Чем потерять именья по суду

И власть в нужду, в жестокую нужду.

ПРЯМИКОВ

Но почему их надо мною власть?

И почему со злыднями своими

Обязан я, вступая в сговор с ними,

Свои же деньги у себя украсть?

А воровство есть воровство,

Что у себя, что у другого.

Так кто ж я — вор? Бесчестия такого

Не пережить. И, кроме того,

Дать взятку им, попасть им в пасть —

Не деньги, совесть у себя украсть.

ДОБРОВ

Продажный суд ограбит вас, обманет.

ПРЯМИКОВ

Кто взятку дал, тот жулика под стать.

Да и возможно ль правду покупать,

Ведь оттого она неправдой станет.

Да и к тому же нынешний судья —

Честнейший человек. Бываю и такие.

Он не мздоимец, как чины другие.

Я б счастлив был попасть к нему в зятя.

ДОБРОВ

(в сторону)

Выходит, он умней, чем думал я.

Женитьба титулованного князя

На дочери судьи — хитрее взятки нет.

(Ему почтительно.)

Желаю вам с супругой долгих лет.

А я, дурак, вам дать совет старался.

Вы правы, наш судья — честнейший человек,

Добропорядочный. Ищите не ищите,

Такого не отыщете вовек.

И я скажу вам, при такой защите

Никто и пальцем не посмеет тронуть вас.

А Праволов — ваш враг, видать, ни с чем остался.

Уж как судья безмерно рад сейчас,

Что знатный князь ему в зятя достался.

Я тоже рад подобному известью.

Прошу вас, дорогой мой, об одном —

Замолвить слово будущему тестю,

Мол, я слуга его, покорнейший притом.

(Уходят. Входят КРИВОСУДОВ И ФЕКЛА.)

КРИВОСУДОВ

Завалы дел. Их целая громада.

А споров, кляуз каверзных не счесть!

Во все мне по-судейски вникнуть надо,

Да и к тому ж блюсти, хоть с виду, честь.

Комедию Василия Васильевича Капниста «Ябеда» по праву можно считать родоначальницей нашей русской сатирической классики. Написанная в конце восемнадцатого века, она открывает новую главу в истории отечественной драматургии и театра. «Ябеда» — писал А. И. Писарев, — покрыла вечным позором криводушие и лихоимство преступных служителей Фемиды, и гений Капниста проявился во всем блеске... казалась... восстал из могилы сам Аристофан.

«Это произведение, — говорил позднее Белинский, — было благородным порывом негодования против одной из возмутительнейших сторон современной ему действительности».

Комедия написана языком той давней эпохи, языком Ломоносова и Кантемира, Сумарокова и Хемницера, Тредиаковского и Новикова, таким далеким от нашего нынешнего языка, что многие слова и словосочетания стали для нас непонятными, вышедшими из употребления, мертвыми, как свет давно умерших звезд. У меня появилось желание вернуть замысел Капниста сегодняшним читателям и зрителям, заново переписать комедию понятным, но близким эпохе Капниста, чарующим нас до сих пор языком литературы девятнадцатого века, языком, на котором с такой божественной выразительностью изъяснялись Пушкин и Грибоедов, Гоголь и Островский, конечно, ни в коей мере не сравнивая себя с ними.

Получился не мой перевод комедии Капниста на этот язык, не мой пересказ ее содержания, а мое вольное прочтение (несколько неожиданный для меня, самостоятельный жанр), моя вариация на тему «Ябеды» — явление, столь распространенное и в музыке, и в литературе. Достаточно вспомнить пушкинского «Каменного гостя», предшественником которого была опера «Дон Жуан» Моцарта, написанная на либретто аббата Лоренцо да Понте, да и другие произведения на эту же тему. Или же другая маленькая трагедия А. С. Пушкина «Пир во

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

ПРАВОЛОВ, отставной судья
КРИВОСУДОВ, председатель
палаты.

ФЕКЛА, жена его.

СОФИЯ, дочь его.

АВДОТЯ КАРПОВНА

ПРЯМИКОВ, князь, брат

ДОБРОВ, судебный чиновник

НАУМЫЧ, поверенный

Гости в доме Кривосудова

Гражданской палаты.

ДОРИЗО ВЕТА

Комедии В. В. Капниста
«Ябеда»
— 1989

время чумы», в основу которой положен отрывок из поэмы английского писателя Джона Вильсона «Чумной город». Сколько в ней неповторимого воистину пушкинского волшебства! Правда, для этого надо быть Пушкиным!

Да и сам Капнист прибегал к этому жанру, следовал этой издавна существующей традиции в мировой литературе. Я имею в виду его трагедию «Гиневра», написанную на сюжет IV—VI песен «Неистового Роланда» Л. Ариосто.

Работая над своим вольным прочтением «Ябеды», я старался высказать и в слове, и в развитии сюжета потенциал комедии, каким я его, как читатель, ощущаю, старался по-своему привести в действие героев пьесы, ни в коей мере не нарушая сущности их характеров, смысла замысла В. В. Капниста и, конечно же, не модернизируя происходящее.

Из пьесы ушло сто тридцать с лишним страниц. В моем вольном прочтении вместо пяти действий существует одно, с новым вымышленным лицом, теткой Софьи Авдотьевой Карповной, о которой лишь один раз упоминается в комедии, но в действии она не участвует. У меня же она в развитии событий играет одну из главных ролей, как домысел того, что о ней сказано в пьесе Капниста.

И вот еще о чем подумал я: по-моему, факт моего вольного читательского прочтения комедии Василия Васильевича Капниста «Ябеда» отвечает самой сущности литературы. Ведь читатель — всегда соавтор писателя. У него всегда есть свое высказанное или невысказанное, но только одному ему присущее прочтение произведения.

Современна ли эта комедия сегодня, после того как прошло двести лет со времени написания «Ябеды»? Об этом судить читателю, а может, и зрителю.

Николай ДОРИЗО.

19 декабря 1989 г.

У нас в России с дедовских времен
Законов тысячи. Указов миллион.
А как, скажи, Палата наша судит?
Законами лишь беззаконье удит.

ФЕКЛА

Честь ныне не в чести,
О, Господи, прости!

(Крестится.)

КРИВОСУДОВ

И в каждом деле есть своя заноза.
Иной истец суда годами ждет.
Так ведь телега, ежели колеса
Не смазать, тоже с места не сойдет.
Ты знаешь, матушка, на взятки я не падох.
Нет, сей соблазн не для моих ушей.
Ни от кого не требую я взятки.
Дают мне сами. Что ж их гнать взащей!
Дают мне в долг. Да и подарки тоже.
Не токмо мне, но и тебе, моей жене.
Не как судье дают, избави Боже!
Как человеку. От любви ко мне.
Дают подарки мне сердечно, деликатно,
Как близкие друзья или родня.
Да и сегодня будет их изрядно,
Ведь нынче именины у меня.

ФЕКЛА

На то и есть Гражданская палата,
Чтоб брать, коли просители дают.
По всей России так вершился суд
Во все века. Что взято, то и свято.

КРИВОСУДОВ

Я б всем хотел добра, как по заказу,
Хотел бы не судить я, а прощать.
А посему люблю я обещать.
Пообещал — и откупился сразу.
Проситель рад надежде светлой сей,
И рад ты тоже доброте своей.
Что стоят обещания? Они
Как воздух.

Дышишь ими и легко, и сладко.

Жди и надейся, мол, пройдет все гладко.
А коль не получилось — извини.

ФЕКЛА

Ты обещай не обещай,

я разумею так:

На жалованье кто живет?

Лентяй или дурак.

А коль о взятках — брать или не брать,
Мы принимаем то,
что нас принять неволят.

Не примем мы —
со службы нас уволят.

Ведь есть повыше нас.

Им тоже нужно дать.

КРИВОСУДОВ

А коли кто пойдет

да и заявит,

Что взятку дал?

ФЕКЛА

Дурак ты и долдон!

Да кто ж себя преступником объявит?

Он взятку дал.

Так кто ж мошенник? Он.

КРИВОСУДОВ

Сегодня Праволов в Палате нашей был.
Какой коварный негодяй, однако!
Подлец достойнейший, опаснейший сутяга,
А красноречие, а гневный пыл!
Он хочет отсудить у Прямикова
Поместье, что досталось от отца.
Послушаешь, все выглядит толково,
Есть даже купчая у подлеца.
Так что начнется тяжба-волокига.
Подлог, грабеж, а с виду шито-крыто.
В его руках такое ремесло —
Неправду грязную

так чистит, как стекло.

Мол, тайно продала княгиня-мать
Ему имения эти перед смертью.
Такой бумажной хитрой круговертью
Он закружил меня, что мне ни сесть ни встать.
Затылок ломит, голова болит.
От сих забот уже я инвалид!
У Праволова есть сто каверз на примете,
Подсунет тайно, кому надо, мзду,
Захочет и докажет по суду,
Что Прямикова вовсе нет на свете.
И я не я, не должностной судья,
И ты супруга вовсе не моя.

ФЕКЛА

О, Господи! Какую мелешь чушь!
Да кто ж докажет, что ты мне не муж?
Заладил, дурень, про суды, про взятки.
Подумал бы о дочери своей:
Тревожусь, не засесть бы в девках ей.

КРИВОСУДОВ

Есть женишок и для моей касатки.

Видать, недаром зачастил в наш дом.
Цветы ей дарит, ей целует ручки.
Когда я замечаю эти штучки,
Прошу я Бога только об одном:
Мне б женишка такого заслужить,
Чтобы сумел я тайно или явно
Во благо нам к нажитому нажить,
А еще паче приумножить славно,
Чтоб отдохнуть в своих имениях на досуге,
Чтобы в богатстве жили наши внуки.

(Входит СОФЬЯ.)

Ах, Софьюшка! Душа моя!
Как давеча спалось? Какие сны приснились?

СОФЬЯ

Не знаю, право, явь ли или сон,
Но наконец-то с ним мы объяснились.
Благословите, батюшка!

КРИВОСУДОВ

Свят, свят!

Да кто же он?

СОФЬЯ

Он человек и умный, и достойный.
КРИВОСУДОВ

Цветы таскает в дом?..

СОФЬЯ

Ну, и цветы...
КРИВОСУДОВ

Мой батюшка говаривал покойный:
Был бы богат, и будет все при нем.
Любовь пройдет, богатство остается.
Я знаю, Софьюшка, так мне сдается,
О ком ты говоришь.

СОФЬЯ

Конечно же, о нем!

О милом сердцу суженом моем.

КРИВОСУДОВ

А коли так, и я к нему любезен.
Но все ж сперва мы с ним поговорим,
А ежели договоримся с ним,
Дойдет черед и до любовных песен.

СОФЬЯ

Спасибо, батюшка!

(Целует ему руку. Уходит.)

КРИВОСУДОВ

А что, такой жених,

Чем не хорош!

ФЕКЛА

Вполне годится в зятя.

Говаривали мы не раз о молодых,
Бывало, перед сном.

И вот вам — нате!..

КРИВОСУДОВ

Да, матушка, все получилось кстати.
(Уходят. Входит Прямиков с букетом цветов в руках.)

ПРЯМИКОВ

Как повести с судьею разговор?
Сказать, что Софье сделал предложение,
Начать с любви, с душевного влечения,
Мол, жду с мольбою ваш отцовский приговор!
Мол, не могу я жить без вашей дочки,
И сразу же без запятой, без точки
Просить другой судейский приговор,
Спасаящий от лжи, плетущей дрязги.
Любовь и гнусность! От такой увязки
На голову мою падет позор.
Выходит, я за тем пришел жениться,
Чтоб у судьи поддержкой заручиться,
Выходит, сам мошенник я и вор.
Уж больно похожу я на пролазу.
Как быть, чтоб не ударить в грязь лицом?

(Входит СОФЬЯ.)

СОФЬЯ

Любимый мой, ты говорил с отцом?

ПРЯМИКОВ

(в растерянности)

Тут надобно не как-то вдруг, не сразу!..

СОФЬЯ

Раздумал... Обманул, завлек меня!

Тебе мы не достойная родня!

(Плачет.)

А я-то, дурочка, всю ночьку мечтала.
От счастья хотелось плакать мне и петь.
Всю свадьбу, как по нотам, расписала —
Кто будет в чем одет, кто будет где сидеть.
А тут какая ж свадьба! Есть невеста,
А вместо жениха — пустое место.

ПРЯМИКОВ

Да Бог с тобой! Свои слова я не беру назад.
Тебя люблю я всей душой своею!

А вот с твоим отцом поговорить ролею.

СОФЬЯ

Отец согласен, как я разумею,
И даже очень нашей свадьбе рад.

Он сам сюда идет.

Вдвоем оставлю вас.

(Уходит.)

(Окончание в следующем номере.)

КУРИЛЬСКИЙ МОРСКОЙ

Наш пограничный сторожевой корабль рвал волну, до предела напрягая мощь двигателей. Сталь лихорадило от этой бешеной гонки, злые брызги косою шрапнелью вливались в лицо, и с командирского мостика ничего нельзя было различить дальше десяти шагов — преследование «гостей» в советских территориальных водах происходило в условиях минимальной видимости: туман. О возможном столкновении лучше было не думать, уж слишком холодна вода в Кунаширском проливе.

На экране РЛС в командирской рубке нарушители то появлялись, то вдруг внезапно исчезали, хотя и находились всего в нескольких кабельтовых. Командир нашего корабля Геннадий Иванов, взяв микрофон переговорного устройства, соединился с машинным отделением: «Ну, что у тебя, сможем оборотов добавить? Давай!»

Вскоре мне абсолютно явно, до ломоты в висках почудилось, что корабль наш как бы пошел на взлет, и я вновь с трудом вышел на мостик, заваливаясь по пути то на левый, то на правый «борт».

— Смотри! — крикнул мне в самое ухо сигнальщик сквозь кромешный рев и грохот. — Видел след на воде у самого нашего носа — только что они тут прошли.

Вскоре след повторился, мы сидели у «кавасачек» на хвосте. Изнурительная гонка продолжалась уже больше двух часов, и тут произошло неожиданное: две скоростные японские шхуны — «кавасачки» вдруг вынырнули из тумана у самого нашего носа и пронеслись ураганом вдоль бортов в обратном направлении. Гонка закончилась. Из рубки вышел Гена.

— Ну что, видал наездников? — Махнул рукой и с досадой выплюнул за борт потухший окурок «Астры».

Прямо напротив мыса Носаппу, что на полуострове Немуро, стоят наши катера. Между СССР и Японией тут всего четыре мили водной глади пролива Советский. С самой его середины, где заканчиваются наши терводы, как на ладони в ясный день видна японская сторона: видны машины и дома, быстроходные шхуны у причала и рыбаки. Над всем этим возвышается 98-метровая «Башня мира», где устроена смотровая площадка для желающих поглядеть на «северные территории», оттуда же ведется координация действий «морских пиратов»; рядом — Дом скорби по северным территориям и памятник в виде арки. Каждый год начиная с 1981-го в Японии 7 февраля отмечается «День северных территорий». Движение за их возвращение разномерно: одно его крыло требует четыре южных острова Курильской гряды, другое — все Курилы, а третье — еще и Сахалин. В этот день на мыс Носаппу приезжает премьер-министр, а наши пограничники и местные жители по радио или через мощные громкоговорители слышат вот такие воззвания на русском языке:

«У тебя нет никакой смелости, русский. Выезжайте из Советского Союза, в Японии мы принимаем вас. Наша страна является главной страной, вы будете жить хорошо, мы будем обеспечивать вас.»

Алеша, беги из СССР, давай, давай, Алеша. Если ты хочешь уехать из СССР, ты можешь уезжать, тогда мы будем помогать вам. Мы принимаем вас. Если ты останешься в своей стране, нужно уничтожить коммунизм, Советское правительство. Это первое дело. Это они направляют вас против Японии. Алеша, домой!»

Оставим на время день сегодняшний и об-

ратимся к истории. Пусть Алеша чуточку пождет бежать.

Итак, самым ранним из сохранившихся описаний Курильских островов русскими землепроходцами являются тексты «Чертежа морским островам», написанные камчатским казаком И. Козыревским, участником походов в этот район в 1711—1713 годах. С тех давних времен Россия весьма успешно осваивала Курилы, что подтверждают, к примеру, донесения бригадира Ф. Немцова Генеральному прокурору А. Вяземскому 2 января 1777 года и «реестр» жителей Курильских островов, принятых в подданство России в 1778 году. Первая же японская официальная экспедиция была отправлена сюда во главе с Токунаи Могами лишь в 1786 году, когда им было сделано описание русского дома, массивного христианского креста и впечатлений от первого контакта с русскими. Цепь дальнейших событий связана сначала с договорами, а потом и с войнами, которые их перечеркивали. В результате Ялтинского соглашения трех великих держав по вопросам Дальнего Востока (11 февраля 1945 г.), освобождения Южных островов Курильской гряды и Акта о капитуляции Японии на Дальнем Востоке сложилось то, что мы имеем на сегодня. Отсутствие мирного договора с Японией вызывает напряженнейшую ситуацию, когда мы охраняем границу, которой японцы не признают. Конечно, японские моряки знают, где она проходит, но если вы возьмете их корабельные карты, то там существующих границ не обнаружите...

Рассказывает Игорь Денисенко: «Наши маленькие катера ходят двойками — вдруг один скиснет, откажет двигатель — тогда может унести течением в Японию. Японцы, конечно же, знают об этом и на своих РЛС нас тут же распознают. Скорость у наших катеров меньше, поэтому приходится применять смекалку... В тот день был туман, наша двойка разбилась и пошла противоположными курсами, чтобы не высвечиваться парой. А они ловили в наших терводах крабов. Когда нас увидели, начали опасно маневрировать, два раза пытались протаранить, но не удалось, мичман на ходу перепрыгнул на японскую шхуну, произвел задержание.»

Еще один рассказ Игоря: «Раньше мы ходили до разграничительного буя, там привязывались и дрейфовали. Но однажды с японской стороны прямо на нас выскочил быстроходный катер, весь утыканный острями и длинными стальными шипами, прямо чудовище, как морской бычок. Пришлось достать пулемет...»

При переходе через море мы решили рискнуть: погодные карты с нанесенными на них циклонами ничего хорошего не предвещали, близился шторм. Море становилось горбатым, и пообедать мы уже не смогли — тарелки катились по столу, а суп в супнице танцевал рок-н-ролл. Офицеры поглядывали на нас, новичков в морском деле, с любопытством. Сдюжим или, как тут говорится, будем играть «в доктора Уотсона» (это когда становится столь плохо, что бежишь до гальюна). На нашем погранкорабле, превратившемся в бушующем море в щепку, неприятные комки и впрямь подкатывали к самому горлу. Ночью на корме оторвало бочки с горючим, и мы поперли со спасательной командой их заново привязывать канатами. Вернулись вымокшие до последней нитки и обнаружили в своей каюте полный бедлам: вещи катились по полу, вода из пристегнутого кувшина вся выскочила, ящики выпрыгивали и обратно возвращались в стол. Мы легли на койки, то

поднимаясь ногами вверх, то становясь чуть не вертикально на ноги.

— Ты знаешь, что такое «кривая заката» в 72 градуса?

— Пока что нет.

— Это такая кривая, при которой, если капитан неопытен, наша посуда перевернется.

Наутро, когда мы смогли дойти до бухты и укрыться, мой товарищ сознался, что первую половину ночи прождал с родными, а остаток — молился всем богам, которых знал. Наверное, именно это нас и спасло.

Наш новый корабль прозван японскими браконьерами «Акулой» за совершенные непредсказуемые действия при их задержании командира Яниса Адамсона. Поэтому, когда судно выходит из бухты острова Шикотан, каждый раз начинается скрытая, непостижимая для новичка комбинационная игра. Случается здесь и настоящая стрельба, правда, на предупреждение.

Но сейчас — пограничная тишина, японцы словно затаились, увидев своей электроникой выдвигание «Акулы». Конечно, за «кавасачками» «Акуле» не угнаться, но промысловые шхуны, ведущие вылов недозрелых сортов рыбы, словно превратились в подлодки и легли на грунт. Мы то дрейфуем, имитируя в ночи рыболовецкое судно, то совершаем двух-трехдневные маневры, пытаюсь обмануть электронику слежения, пока что, однако, безуспешно. Лишь перламутровые дельфины с привязанностью дворовых собак следуют перед носом нашего корабля, то выпрыгивая из пронизанного солнцем лазурита вспененных, но прозрачных вод, то вновь стремительно погружаясь в темную глубину океана, чтобы вскоре вернуться.

Рассказывает Янис Адамсон:

«Тут к нам социологи приезжали, спрашивали: как, мол, с женами живете? Мы и отвечали: как с голливудскими звездами, два раза в месяц за восемьсот рублей. Такая наша морская, пограничная судьба. Но это бог с ней. Можно снести все — тяготы службы и неустраиваемость быта, но я не могу снести обиды за державу, когда не принимаются достаточные меры по защите границы.»

Много разговоров идет о том, что наши

корабли тихоходные и не могут догнать нарушителя. Я не знаю, можно ли отнести пограничный корабль к тихоходному, если у него скорость более 30 узлов? Наверно, это не совсем так. Предположим, будет скорость 60 узлов, а что дальше? Чтобы задержать нарушителя, надо на это судно посадить осмотровую группу, но реально ли это осуществить на таких скоростях? Думаю, что даже профессиональные каскадеры это осуществить в условиях моря не способны. Что же делать? Один путь — таранить суда нарушителей и пускать их на дно, второй путь — применять оружие.

Когда японские нарушители уходят, они уверены, что русские моряки — «джентльмены», стрелять не будут. Представьте себе, какой же поднимется вой в мире, если будет применено оружие.

В прошлом году я применил оружие по судно-нарушителю, правда, предупредительно. Но сколько можно делать «пожарную команду» из пограничников? Надо бы советским дипломатам предупредить японцев, чтобы они отвечали за последствия, и потребовать соблюдать советские законы и не связывать нам руки, чтобы навести порядок. У нас нервы уже не выдерживают...»

Корабль у Яниса большой, есть и банька. Измаявшись вконец от невезухи — редко такое с «Акулой» случается, чтоб не зацепить нарушителя, затопили баньку — ох и ядреную! — и кубарем по трапу попрыгали в море. Вода обжигала, ошпаривала, скручивала в кривую лютым холодом, а под ногами было — шутка ли! — два километра морских глубин. Во время третьего купанья Янис крикнул с палубы: «Касатки!», и мы пингвинами выпрыгнули из воды, оглядывая все ли члены на месте...

Когда судно нарушителя задерживается, на него высаживается осмотровая команда. Участие в ней доверяют лишь самым достойным на общем собрании корабля. Матрос Иларс Дриксна и боцман Игорь Сергеев — в ее составе. Вот фрагмент из беседы с ними: «Азбука морского дела такова: увидел нарушителя, дал сигнальную ракету и флажками сигнал «ЛИМА», тот должен остановиться. Тогда на катере осмотровая команда сближается с ним и по трапу поднимается на судно. При этом капитан-нарушитель должен протянуть с трапа руку, чтобы помочь забраться. Смех, да и только. Иногда ведь ребятам приходится выпрыгивать на такие суда на полном ходу, хвататься за леера — борта, а тебя еще и палками бамбуковыми бьют по рукам, чтобы свалился за борт под винты...»

Я в прошлом году в отпуск домой приехал, стал рассказывать, а родители не верят. Ведь везде пишут, что граница наша священна и неприкосновенна, что граница наша на замке; замок тот заржавел, а ключ потерян. А тут у нас по 50 нарушений в день. Естественно, больше уж никому не рассказывал — зачем фантазером слыть...»

И все-таки ночью нам удалось задержать шхуну. Ваши корреспонденты переоделись: один — в рыбинспектора, другой — в офицера-пограничника. И отправились на нее в составе осмотровой группы. Оснащенность аппаратурой в капитанской рубке, мягко говоря, впечатляла: тут и цветные РЛС четвертого поколения, и новейшие эхолоты, и даже связь с береговыми службами острова Хоккайдо и собственной семьей по радиотелефону. Белые одежды команды. Поразило: капитан ходил по ковру в своей рубке в носках. Кто бывал на советских промысловых судах,

УЗЕЛ

тот меня поймет. Пока ребята подсчитывали вылов рыбы и инспектировали разрешительные документы, улыбающийся капитан сказал, кивнув на ребят, арифметическими столбиками подсчитывавших улов: «Руськи умни, руськи сцетать умеет!» Сие означало, что далеко не каждый японец умеет считать на бумаге, да и зачем, когда для этого есть электронный калькулятор...

На шхуне все оказалось в порядке: разрешение на лов в нашей зоне было, вылов соответствовал документам, недозволенных сортов рыбы и крабов не было. И все же я спросил его: почему так много браконьеров, разве нельзя вести честный лов? Он вновь улыбнулся: «Один краба — два мадама». Из этого я сделал вывод, что с мадамами в Японии все о'кэй, вот только крабов не хватает. Прямо как у нас.

Когда возвращались на «Акулу», Игорь Сергеев сказал: «Они часто делают на шхунах тайники, прячут там горбушу, краба, челима — гигантскую креветку. Находили, бывало, и выловленных на мясо дельфинов. В прошлый раз такой тайник мы обнаружили в топливных баках. Зачем они рискуют? За одну такую удачную ходку можно просто обогатиться, вот и идет круглосуточный грабег наших вод».

* * *

Чем больше здесь находимся, тем сильнее ощущение, что творится в этих водах что-то неладное, совершенно неестественное для мирных условий, в которых мы проживаем. И не только потому, что кто-то из наших командиров может не сдержаться — сдадут перенапряженные нервы — и потопить морского «пирата». Лишь за один год количество нарушений нашей морской границы увеличилось в два раза — с четырех до восьми тысяч случаев. Те же «кавасачки» внедряются в наши воды хищными стаями до пятидесяти — шестидесяти штук то с одного фланга, то с другого. И тут разгорается настоящая война нервов между ними и нашими пограничниками. Правда, жертв в ней пока нет, но кто возьмется утверждать, что завтра или даже сегодня такого не случится? С японской стороны идет постоянный психологический прессинг, а в ответ они могут получить и снаряд в борт.

А экология? Ведь когда наши пограничники обнаруживают японские сети, они вынуждены их отрезать от буев — вытаскивать сотни незаконно установленных сетей не хватит ни сил, ни времени. И их режут. Под грузом попавшей в них рыбы сети оседают на дно, превращаясь в общую могилу для крабов, горбуши, лосося, камбалы. Срок химического распада такой сети — 50 лет, а пластика каната — 1000. И поэтому я убежден, что, если б в здешние воды занесло водолза, от увиденного у него бы с ходу поехала «крыша», и остаток жизни он провел бы в дурке. Надо бы Минрыбхозу решить эту проблему и организовать выборку сетей хищников.

* * *

В проливе Советском есть район, где японцы по договору в наших водах добывают морскую капусту. Работают они споро, экологически чисто. Наш метод промысла морской капусты уничтожает ее плантации и увечит морскую флору.

И вот мы продвигались среди японских шхун на нашем военном катере, некоторые из «капустников» на секунду прерывались, махали приветственно; значит, можно найти приемлемое для обеих сторон решение.

В. ЛУГОВКИН.

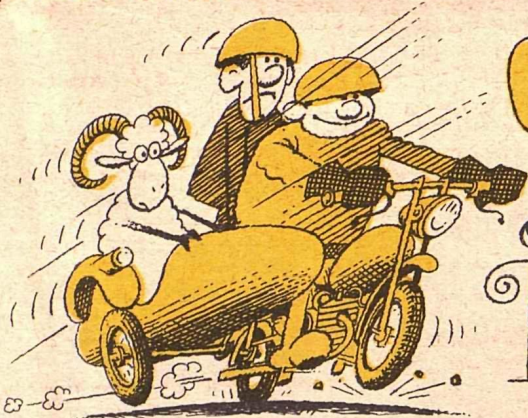

А. ЧИЖИКОВ, А. ШЕЛЕПИН, г. Симферополь (тема).

В. МОХОВ.

— ...Нет, очереди не было, но за границу долго не пускали!

МОЙ ЛИЧНЫЙ БАРАН

Когда наступила пора сабантуев, я решил поехать размяться в близлежащее село. Молодой, холостой, ничем не обремененный, нужно же было дать какой-то выход моей кипучей энергии...

Приехав в село, сразу направился на майдан, однако неожиданно меня остановил детина с красной повязкой на руке.

— Не суетись, батыр! — пробасил он. — Сначала борются наши, деревенские, а приезжие — потом.

— Почему такое наплевательское отношение к гостям? — возмутился я.

— Потому что вы в городе каратэ занимаетесь. Дай вам волю, то все призы увезете. Теперь мы сделали два приза. Один — для нас, другой — для вас, — объяснил он и ткнул пальцем в ту сторону, где стоял маленький беленький баранчик.

Ну, доложу я вам, не баран, а эдакое блеющее облачко. Я как увидел его, сразу решил — мой будет. И когда судья пригласил на майдан желающих, я выскочил первым. И оказался единственным. Кроме меня, никто не изъявил желания оспаривать приз.

Стою я в гордом одиночестве. А зрители уже роптать начинают. Мол, надо барана обратно на ферму отвести. Зачем его вручать без борьбы?

В разгар этой шумихи на середину майдана вышел пожилой крепыш и во всеуслышание объявил:

— Сабантуй так сабантуй! Я буду бороться! В предвкушении зрелища народ зааплодировал.

Когда нам накинули по полотенцу, мы приблизились друг к другу, и пожилой шепнул мне:

— Ты, братишка, не торопись. Какой я тебе соперник?! Вышел только ради того, чтобы такой чудесный баран зря не пропал.

Я, конечно, был признателен ему за поддержку, однако мне до того не терпелось бесплатно завладеть блеющим облачком, что я без лишних церемоний швырнул соперника через беду и припечатал лопатками к земле.

Судья пожал мне руку и вручил барана.

Целый день я сидел на сабантуе, искосясь своим приобретением. Шутка ли, мой баранчик, мой! Что захочу, то с ним и сделаю. Теперь у меня имеется солидная собственность. Правда, голову сверлила одна мысль: как доставить это облачко в город? Не такое уж оно и легкое.

Вечерело, когда возле меня притормозил мотоцикл с коляской. За рулем сидел мой пожилой соперник.

— До города подвезти? — предложил он.

Я обрадовался:

— Конечно!

— Десятка.

— Почему так дорого? — возмутился я. — Обычно отсюда пятерку берут.

— И я так беру. С каждого. Вас двое... Доставлю со всеми удобствами. Даже шлем тебе дам. Дал бы и барану, да ему рога мешают.

Пришлось согласиться на столь кабальные условия.

Хозяин мотоцикла — его звали Шаймарданом — усадил барана в коляску, меня — на заднее сиденье, и вскоре мы с ветерком домчались до города.

Тут я понял, что каждый владелец рогатого скота сталкивается с рядом трудноразрешимых проблем. В общежитие комендантша меня не пропустила.

— Пойми меня правильно, Гариф, — сказала она. — Если бы ты находился в комнате один, тогда — добро пожаловать. Приводи хоть целую отару. Но поскольку, кроме тебя, там живут еще два человека, то нарушать покой своих жильцов я никакому животному не позволю.

Не знаю, как баран, но я вышел из общежития на унылую ночную улицу без всякого энтузиазма. К счастью, Шаймардан еще не уехал. Он сказал:

— Давай повезем его ко мне и сделаем секир башку. Устроим шашлычок. А из шкуры справим тебе дубленочку.

Но я категорически отверг подобные притязания на мою кровную собственность. Видя мое возмущение, Шаймардан пошел на попятную и предложил поселить блеющее облачко на своем балконе. Он даже согласился кормить постояльца. Но при этом за питание заломил чуть ли не ресторанные цены. Поэтому я снял для рогатого друга лишь жилье.

Отныне каждый день я таскал барану мешками свежую траву. Вскоре он раздобыл, из облачка превратился в тучу, начал проявлять излишнюю агрессивность и в один прекрасный день вышиб рогами дверь балкона. Шаймардан хотел было выселить буйного квартиранта. Хорошо еще, что я оплатил жилье за месяц вперед. Денег он возвращать не хотел. Правда, и от новых отказался. Поэтому вскоре я и мой рогатый приз вновь очутились под открытым небом. Бросить-то его жалко: все-таки свое добро. У меня не осталось другого выхода, как пойти с ним в лес. Соорудил я там шалаш, и начали мы жить-поживать.

Баран в лесу быстро освоился. Чего не могу сказать о себе. Бывало, сидишь на ночь глядя у костра и представляешь, как ребята из нашей бригады пошли на стадион, или в кафе, или на день рождения Зулейки. А тут сидишь да слушаешь волчий вой. И так иной раз тоскливо на душе делается, что сам завывать готов.

Вскоре я узнал, что в ближней деревне состоится последний в этом сезоне сабантуй. И в воскресенье утром, прихватив барана, отправился туда.

Прибыли мы как раз в тот момент, когда судья сообщал через рупор трагическую весть:

— Поскольку наша ферма была вынуждена выполнить план по сдаче мяса, у нас не осталось ни одного барана. В этот раз победитель будет награждаться цыпленком...

— Не согласен! — говорю. — Пусть батыр получает этого барана.

Завидев мой подарок, организаторы очень обрадовались — они приняли меня за представителя шэфов.

В это время на майдане появился Шаймардан. Схватив полотенце, он закричал:

— Ну, кто готов бороться со мной?

Он выкликнул это несколько раз подряд, а желающих не было. Я с ужасом подумал, что если борьба сорвется, то барана вернут мне. Но сил на его воспитание у меня не оставалось, и я решительно вступил в круг.

От неожиданности Шаймардан сначала оторопел, а когда мы сошлись, зашептал:

— Ты, братишка, не швыряй меня так, как в прошлый раз. У меня до сих пор поясницу ломит...

Пока он причитал, я шмякнулся наземь, да так удачно, что, падая, прихватил Шаймардана, который свалился на меня и был признан победителем.

Сразу после торжественного вручения барана Шаймардану я пошел в сторону города. Словно гора свалилась у меня с плеч. Приду в общежитие, увижусь с друзьями, буду отдыхать без всяких забот... Я шел, весело насвистывая, когда услышал, что за мной кто-то бежит. Оглянулся — мой криворогий друг семенил, волоча на веревке своего нового владельца.

Выбежав на дорогу, я с риском для жизни прыгнул в кузов проезжающего грузовика и скрылся от погони. А вслед мне еще долго несся умоляющий голос Шаймардана:

— Погоди, браток, в этом подарке и твоя доля есть!..

Авторизованный перевод
с башкирского А. ХОРТА.

СМЕХ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

САМАЯ ПОПУЛЯРНАЯ ЗАПОВЕДЬ

Весьма притягательный вариант Библии отпечатали в Лондоне в 1631 году королевские типографы Роберт Баркер и Мартин Лукас. В ней содержался целый ряд ошибок, но одна была явно внушена свыше: в седьмой заповеди частица «не» была опущена, в связи с чем читателям предписывалось с «божьего благословения» предаться прелюбодеянию.

Опасаясь популярности, с какой эта заповедь может быть воспринята, король Карл I конфисковал все 1000 экземпляров Библии и оштрафовал незадачливых издателей на 3000 фунтов стерлингов.

«ЩЕТ»

В императорскую Академию художеств из Павловского городского правления был послан любопытный заказ:

«Во исполнение Высочайшего Ея Императорского Величества (Марии Федоровны — Прим. ред.) повеления нужны сему правлению к бронзовым статуям иметь одну дюжину медных посредственной величины фиговых листов, которые благоволит Академия приказать сделать и в сие правление как можно скорее представить».

Июля 10 дня 1798 г. Советник барон Беллинггаузен».

Академия долго работала над этим заказом и только в апреле следующего года послала листки и мастера «для установления их», а литейщик Гастеклу подал в академию бумагу:

«Щет.

Зделано мною в Павловск для медных статуи назакрывание низов двенадцать листов из латуни по крытым колером, которые к каждой статуе и прикреплены за все тридцать восемь рублей ис провозом.

Элме Гастеклу. Маяя дня 1799 г.»

ЛУЧШЕ ПОЗДНО...

В 1884 году знаменитого английского физика Рэля попросили написать для энциклопедии статью на тему «Свет» (по-английски «Light»). Но рукопись не была готова ко времени сдачи в печать тома со статьями на букву L. «Хорошо, мы можем назвать ее «Оптика» («Optics»)», — сказал редактор. Но статья опять не была готова к сроку. В конце концов она появилась под заголовком «Wave Theory of Light» — «Волновая теория света». В английском алфавите буква W — одна из последних.

В защиту Рэля следует сказать, что эта работа признана классической и до сих пор служит примером глубокого и ясного изложения представлений о свете.

Близнецов («ССС») ублажали А. БАСАЛЫГИН (Челябинск), Ю. БОНДАРЕНКО (Ленинград) и В. ГОРМИН (Новгород)

1

Рим. Узкая улочка, ведущая вниз от фешенебельной виа Венето. Машины, стоящие у тротуаров бампер к бамперу. Респектабельные дамы проносятся мимо на мотороллерах с лихостью каскадеров. Магазины, магазинчики, совсем крошечные бутики — каждый погонный метр фасадов соблазняет нарядными вывесками, зазывает, торгует. Каждый квадратный метр работает.

Юная рыжеволосая римлянка в узких вареных джинсиках и резиновых перчатках моет щеткой тротуар перед лавочкой с кожаными куртками и пальто всех цветов радуги за зеркальной витриной. Сияющий тротуар тоже реклама магазина.

Я громко вздыхаю — и от витрины, и от молоденькой итальяночки, и от постоянного нашего скорбного сравнения с родными пейзажами.

Мой спутник Джулио Катольфи — руководитель римского бюро немецкой авиакомпании «Люфтганза», — наверное, понимает мой тяжкий вздох.

— А знаешь, — говорит он, — мне порой кажется, что наши страны, Советский Союз и Италия, — это своего рода исторический эксперимент...

— В каком смысле?

— С одной стороны, мы очень похожи. Ты говоришь, у вас бюрократия? Ты еще не знаешь, что такое итальянская бюрократия! За любой бумажкой находишься, и хорошо еще, если знаешь кого-то, через кого можно, как вы говорите, смазать?

— Подмазать.

— Мафия? Тоже еще вопрос, на чьей почве она пышнее произрастает. Согласен?

— Ну...

— И вы, и мы любим поболтать, посидеть за бутылочкой. Так?

— Ну...

— И вас, и нас история особенно не баловала, хватало всякого... Это все с одной стороны. С другой — различия. У нас нет ни нефти, ни угля, ни железа, ни золота, ни черта у нас нет. Вы же богаче всех на свете, не случайно этот ваш Менделеев придумал свою таблицу — её можно использовать как карту вашей страны. Казалось бы, Россия должна быть во много раз зажиточнее Италии. Так?

— Ну...

— Маленький Давид обогнал гиганта Голиафа. И знаешь, почему? Вот смотри. — Джулио показывает ногой на крошечный кустик, тянущийся из трещинки в асфальте. — Естественное стремление жить лучше. Произвести, построить, продать, обслужить. Все снизу. Все само собой, по вечным законам человеческой природы. И никакая бюрократия, никакая мафия, никакая идеология не могут помешать неукротимой человеческой инициативе. Частной или коллективной — кого это интересует, кроме ваших штатных теоретиков? Кто знает, какое у нас сейчас правительство? Оно так часто меняется. Какая, в сущности, разница? Личь бы не особенно мешало жить, работать и зарабатывать.

А ваше? У меня волосы дыбом встают от ужаса, когда я пытаюсь представить себе, о чем должны думать бедный синьор Горбачев и бедный синьор Рыжков двадцать четыре, а скорее всего и двадцать пять часов в сутки... Потому что никто в Кремле не сможет рассчитать, когда нужно вымыть тротуар перед магазином. Чего ты смеешься, разве я не прав?

— Прав, прав, Джулио. Просто нам еще не до вымытого с мылом тротуара перед магазином. Было бы что в нём продавать...

— Вот, вот, это-то из Кремля и не сделать... Об этом и разговор.

2

Израиль. Библейское Галилейское море. В ноябрьском высоком небе истребители тянут тонкие белесые ниточки инверсионных следов и глухо бухают, расталкивая звуковой барьер.

Древняя земля. «Капернаум — город Иисуса Христа» — гласит табличка. Внизу деловое предупреждение туристам: «Остерегайтесь воров».

Здесь двадцать веков назад прозвучали прекрасные слова Иисусовой Нагорной проповеди. Увы, человечеству еще далеко до ее идей...

В церкви IV века сохранившаяся мо-

для нас надоями в 9600 литров, плантации бананов (каждая гроздь в аккуратном синем пластиковом мешочке), выращиваемых по разработанной здесь самой совершенной в мире технологии, четырехзвездный отель, всегда заполненный туристами со всего света, электронный заводик...

Узи, сыну приятельницы Шушаны, 52 года, но и он выглядит лет на 10—15 моложе: подтянутый, легкий, прокаленный южным солнцем. Был он менеджером «Ноф Гиноссара» (председателем коммуны, по-нашему), но поскольку менеджеры должны меняться, здесь не любят, когда люди слишком уж прира-

тогда многие молодые люди не хотят здесь оставаться?

Узи улыбается, он наверняка ожидал этот вопрос.

— Вы говорите: перестройка. А, по моему глубокому убеждению, хорошее руководство — это постоянная перестройка. Молодым людям кажется, что большие коммуны сковывают их индивидуальность. Вот и появляются новые идеи. Например, ассоциации меньших кибуцев с одним культурным и сильным научным центром. Не нравятся кибуцы, ты природный индивидуалист — бери индивидуальную ферму, хотя производительность труда у нас выше.

Я ненавижу поучать кого-либо, но мне кажется, ваши колхозы не раскрыли своих возможностей. Я не специалист по вашему сельскому хозяйству, но, похоже, вы не совсем понимаете что коллективное хозяйство — это не только и не столько сумма физического труда, но и коллективный интеллект. Мы к этому давно пришли. Это основа кибуца.

Посмотрите на японцев, я был там, приходилось иметь с ними дело. У них фактически нет лидеров. Главное для них при выборе людей для руководства фирмой — умение человека работать в группе. В этом они противоположны индивидуалистической Америке. И поэтому, — Узи улыбается, — не американцы у них, а они скупают у американцев заводы и здания...

3

Каир — гигантский город. Главный цвет — серый. Серая пыль. Серые дома, которые, похоже, никогда не ремонтируются и постепенно разваливаются, серые новостройки. Строится город, очевидно, быстрее, чем разваливается, потому что все время растет и выплеснулся уже к знаменитым пирамидам, тоже серого цвета. Пирамиды тоже ветшают, но куда медленнее, чем дома.

Мы стоим с женой в ста шагах от нашей гостиницы «Хилтон на Ниле», стоим пять, десять, пятнадцать минут и не можем перейти улицу. Красный, зеленый, желтый — ревущее транспортное стадо не обращает ни малейшего внимания на сигналы светофора.

Жителям Каира это, похоже, особенно не мешает: они хладнокровно снуют между несущихся машин.

И невольно приходят в голову картиныulichного движения, скажем, в ФРГ, где никакие силы не заставят немца перейти улицу на красный свет, если даже ни справа, ни слева нет ни одной машины.

Что меня больше устраивает: каирский смертельный аттракцион с упованием в основном на Аллаха или франкфуртская улица с сияющими (немец не навидит грязь) машинами, которые совсем не чадят (закон требует особых катализаторов в выхлопных трубах) и вежливо пропускают пешеходов?

Лично я хотел бы жить в удобной, чистой и богатой стране. Так не пора ли нам посмотреть на себя и свои привычки в безжалостное зеркало?

Ведь нам, в недавнем прошлом самым прогрессивным, все не с руки дороги построить, чтоб не терять треть нами же в муках произведенного.

Но призывы хорошо работать — чаще всего глас вопиющего в пустыне. Потому что как нам платят, так мы и работаем.

Самоуважение невозможно без настоящей оплаты труда, а без самоуважения невозможно быть настоящим Работником.

Рим — Капернаум — Каир.

заика изображает рыбу — такая же ловится здесь и сегодня. Мы ели ее накануне в кибуце «Ноф Гиноссар», находящемся неподалеку.

Здесь, на берегу библейского моря, которое вовсе не море, а всего-навсего озеро, мне довелось услышать самые страстные речи в защиту... сельскохозяйственных коммун из всех, слышанных в последнее время.

...Вечер: Древние звезды плавают в древнем озере. Мы сидим на веранде коттеджа у самой воды. Хозяйке, Шушане, без малого восемьдесят, но больше семидесяти ей не даст и врач. Пятьдесят семь лет назад она приехала сюда девушкой из далекой Риги. Из удобной квартиры на Раймерс иела — в топкое малярийное болото на берегу палестинского озера. Зной, комары, мгновенно плесневеющий в сырых палатках хлеб и мгновенно вздувающиеся и лопающиеся водяные волдыри на искушенных руках.

Ни ее, ни ее родителей никто не гнал сюда из Риги в 1932 году, и уж подавно меньше всего нужна, потому что у ее отца был магазин.

Они были сионистами — слово, которое давно стало у нас ругательством. А ведь сионисты не только призвали евреев к возвращению на историческую родину (кстати, самые наши суровые активисты «Памяти» должны были, рассуждая логично, поддерживать их в этом), но и были одержимы социалистическими идеями.

— Конечно, — вспоминает Шушана, — было тяжело. Но мы не ныли. Работали по пятнадцать часов в сутки... И вот видите, чего мы добились...

Я понимаю ее тихую гордость. Комфортабельные коттеджи со всеми удобствами, прекрасная столовая, которая посрамит многие наши рестораны, животноводческая ферма с невероятными

стают к своим креслам, теперь он уполномоченный министерства сельского хозяйства.

— Кибуц, — объясняет Узи, — это коммуна. Люди не получают зарплату, но кибуц обеспечивает их всем необходимым, от квартиры до телевизора. Всех одинаково. Всех. Если человеку нужно все-таки что-то купить себе, он получает нужную сумму со своего счета. Когда год удачный, мы можем даже послать 20—30 человек в отпуск за границу на 3 недели, можно слетать в США, а теперь вот и в СССР.

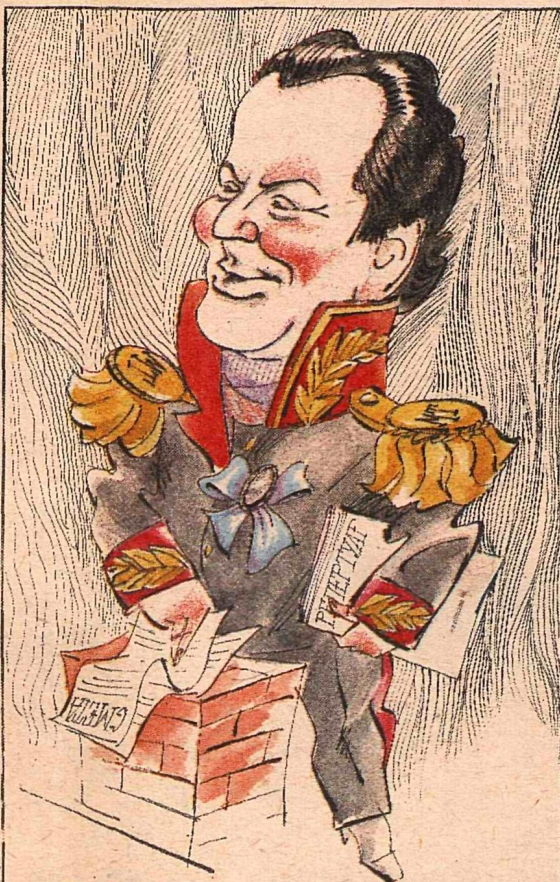
У нас свои ясли, детский сад, начальная школа. В средней школе ребята возит автобус, а тех, кто хочет получить высшее образование, кибуц содержит до конца учебы.

Я объездил почти весь мир, — пылко говорит Узи, — и я убежден, что коммуна — прекрасный образ жизни. Добрый образ жизни. Справедливый. Я нигде не видел таких гармонично развитых и независимых ребят, с детства приученных к труду, и таких стариков, которые не знают ни нужды, ни одиночества, даже в самых богатых странах.

Я видел роскошные дома для престарелых в Америке, дорогие дома для богатых стариков, но это дома для престарелых, не больше того. Здесь они дома, в семье, потому что кибуц — это одна большая семья. Конечно, кто-то больше любит друг друга, кто-то — меньше, кто-то ссорится чаще, но это семья...

— Да, — кивает Шушана, — пока человек молод, он не понимает, что такое стариковская заброшенность, ужас ощущения ненужности. Здесь не рай, но поверьте мне: кибуц — лучшее место в мире для пожилых... И детей.

— Хорошо, для детей и стариков кибуцы хороши, я вам верю. Но почему

Юрий СОЛОМИН

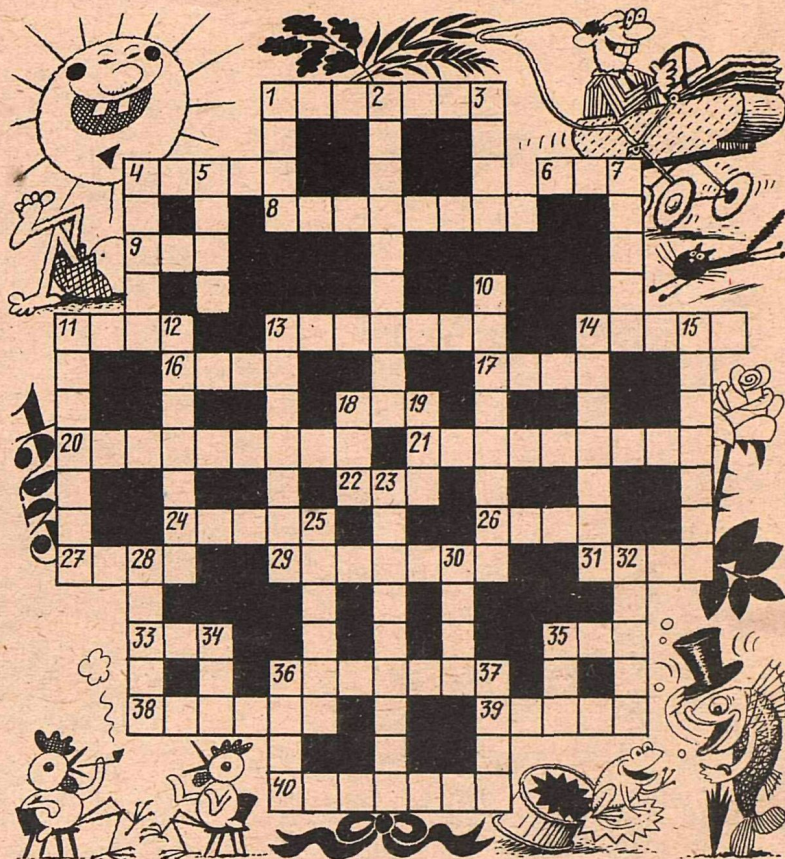
Хоть начинал он адъютантом,
Но, не обиженный талантом,
Стал театральным генералом —
Ведь дело было лишь за Малым...

Г. ТУМАРКИН, г. Краматорск.
Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Автосредство от дорожных потрясений. 4. Зимний ударник (погодн.). 6. Столетка. 8. Женщина, которая коня на скаку... 9. Трансформатор Зевса в Юпитера. 11. Фантом в мундире поручика (лит.). 13. Тело под солнцем (космич.). 14. Прирученный плотницкий инструмент (маникюрн.). 16. Доливное (алкогольн.). 17. Разливное (ландшафтн.). 18. Неизвестный мистер. 20. Панибрат Пушкина (гоголевск.). 21. Лучший способ обращения с капиталом. 22. Мертвое царство (миф.). 24. Дерево, ветвь которого пригубил Пикассо. 26. Неотъемлемые части балерины. 27. Ибрагим Петрович Ганнибал в пятом пункте. 29. Повторение на поэтическом уровне. 31. Леткина половинка (танц.). 33. Заявление по гражданке (судебн.). 35. Американский жених Тэтчер (твеновск.). 36. Весельчак в чистом поле (песенн.). 38. Самый земной орех. 39. Прикольное дерево (вурдалакск.). 40. Первый в жизни экипаж.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Шипучка (ботанич.). 2. Лжец с намеком. 3. Хлопковая поилка (традиционн.). 4. Плод пустынного воображения. 5. Форма бубен. 7. Бросовая игра (азартн.). 10. Облонская по первому мужу (лит.). 11. Рунная обитель. 12. Душевный руководитель церковной территории. 13. Счастливая набойка. 14. Результат притягательного физического явления. 15. Детская разбойница. 18. Приводное дерево. 19. Процесс с приговором. 23. Простейшая туфелька. 25. Первый пункт буржуйского меню. 28. Добрая подружка бедной юности (поэтич.). 30. Золотая аргоцель (миф.). 32. Туды ее в качель (ильфо-петровск.). 34. Болотное приветствие. 35. Первое магическое число. 36. Цыплячий разговор. 37. Территориально-пригородная единица (железнодорож.).

Составила Н. ЗАРОВСКАЯ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ в № 11.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Награда. 6. Перигей. 10. «Буран». 11. Север. 12. Почтальон. 13. Год. 16. Полив. 17. Спутник. 19. Собака. 20. Шар. 24. Тарелка. 25. Ректор. 28. Май. 30. Разгрузка. 32. Линия. 33. Сопло. 34. Монитор. 35. Стадион.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Закат. 2. Расход. 3. Грохот. 4. Ветер. 7. Луноход. 8. Планета. 9. Деревце. 14. Космодром. 15. Коррекция. 17. Старт. 18. Карта. 21. «Энергия». 22. Рекорд. 23. Корабль. 26. Ракета. 27. Экипаж. 29. Виток. 31. Город.

ТУРАНДОТ

— Целую ваши пальчики, прелестная принцесса, пальчики, не знающие иголки. Ведь, насколько я понимаю, элегантные кимоно не требуют пуговиц, а следовательно, и их нудных пришиваний. А я вот сколько раз оказывался в положении того незадачливого холостяка, которому посвящена каверзность первой степени из № 4. Того самого, который ради одной пуговицы был вынужден приобретать двенадцать дюжин иголок, дюжину катушек ниток и двадцать наперстков.

— И чем же оканчивались, Калаф, ваши портняжные порывы?

— Приблизительно тем же, чем и у героя рассказа Ярослава Гашека «Как я пришивал пуговицу к брюкам». «У автора, — пишет нам Р. Девятайкин из Новочебоксарска, — это звучит так: «Утром меня нашли лежащим на полу... опутанного четырнадцать тысячами метров разноцветных ниток. Я спал на двухстах иглах. А брюки были пришиты к дивану...» А. Г. Петров из Хабаровска продолжает цитату: «На всех пальцах рук и ног у меня было по наперстку, а одну икру свою я пришил к коврику. Что было делать? Купил себе новые брюки...»

— Сочувствуя холостякам, которые найдутся среди читателей, правильно ответивших на эту каверзность, советую им начислить себе не по три, а по три с половиной балла.

— Если бы все женщины относились к холостякам столь милостиво, как вы, принцесса, одиноких мужчин не осталось бы вообще!

— Благодарю за комплимент и прошу перейти к ответам на каверзность II степени.

— О. Кашин из Калининграда утверждает, что превращение Барбарена из Тараскона

в Тартарена произошло, чтобы избежать путаницы. А С. Фудилова из Каунаса добавляет: «Барбарен существовал на страницах газеты «Фигаро», где публиковался роман Доде, до тех пор, пока автор не получил из Тараскона гневное послание от семейства Барбаренов. Ему грозили судом, если имя почтенных тарасконцев не будет вычеркнуто из оскорбительного фарса! И, питая инстинктивный страх к судам, как шутил Доде, он согласился поменять имя героя. Сделать это пришлось срочно, уже в корректуре первого книжного издания романа, увидевшего свет в 1872 году».

— Прекрасный ответ! Считаю, что 62 читателя вполне заслуженно присудили себе по 6 баллов. А теперь давайте посмотрим, что у нас с каверзностью III степени.

— Деятельная загадка действительно оказалась непроста. Правильно ответил на нее лишь один наш читатель — А. Б. Швеиц из Ростова-на-Дону. Он пишет, что ученая степень доктора философии была присуждена знаменитому швейцарскому клоуну Броку, а приз имени Эразма Роттердамского получил в Голландии десять лет назад наш великий Олег Попов за репризу «Луч», в которой он «приручает» солнечный лучик и дарит его зрителям.

— Загадка трудна, но сколь интересна отгадка! Не сомневаюсь, что наши читатели-эрудиты оценят по достоинству и новые каверзности.

ЗАГАДКИ

Каверзность I степени

В рассказе И. С. Тургенева «Муму» говорится о богатыре Герасиме, «мужчине двенадцати вершков роста». Что же это за богатырь? Ведь 12 вершков — это всего 54 см.

(3 балла).

Г. ВОРОБЬЕВ, г. Каменск-Уральский.

Каверзность II степени

Кошка подходит к англо-русскому словарю, подцепляет его лапой — и словарь раскрывается на одной из страниц. Автор только что законченного романа выписывает с этой страницы два слова и... уверенно вставляет их в название романа. Какие же это слова?

(6 баллов).

Л. ВОСКРЕСЕНСКАЯ, г. Минск.

Каверзность III степени

«Без рубля бороды не отрастишь». Странное на первый взгляд утверждение. Скорей, без рубля не побреешь. Однако все просто: каждой поговорке свое время. В чем же тут дело?

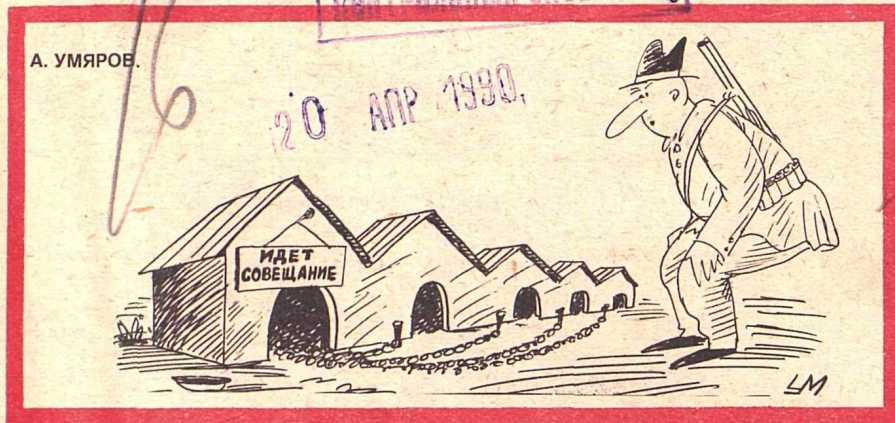
(9 баллов).

А. АНИСЕНКО, г. Кузнецк Пензенской области.

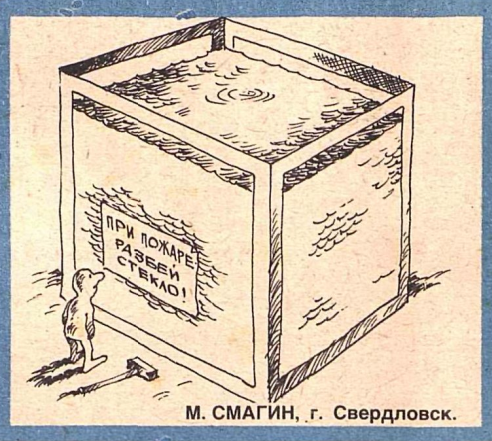
орден
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

А. УМЯРОВ.

«Мы, санбольные палаты № 14, просим администрацию санатория объявить благодарность массажистке Кулик А. В. за ее отличную работу. Она чутко реагирует на пожелания больных промассировать те или иные места...»

(Из книги жалоб и предложений).
Прислал П. Баженов,
г. Москва.

М. СМАГИН, г. Свердловск.

«Из-за отсутствия времени буду говорить не думая».

(Из выступления).
Прислал В. Олексюк, г. Белая Церковь.

«Ворота можно защищать любой частью тела».

(Из радиорепортажа).
Прислал Н. Воронцов, г. Целиноград.

В. КУДИН, г. Киев.

«Объяснительная».

Я, Турков О. Н., санитар приемного отделения, 31.12.89 вел себя недостойно, а именно, выпил недельный запас спирта, т. к. был Новый год. Обязуюсь 23.02.90; 8.03.90; 1.05.90; 9.05.90; 7.10.90 и, уж конечно, 31.12.90 вести себя достойно».

Прислал С. Демин,
г. Ростов-на-Дону.

Е. ВАСИЛЬЕВ.

«Товарищи! Кафе закрыто, купаты все съедены ввиду продолжительности профсоюзного собрания».

Администрация».

(Объявление).
Прислала А. Иванова,
г. Кемерово.

«Предупредить старшего мастера автоучастка о его персональной ответственности за доставку спецконтингента людей в убойный цех».

(Из приказа дирекции мясокомбината).
Прислал В. Климов,
Брянская обл.

«18.05.89 г. я выполняла работу с грейфером, подошла мастер Иваева и сказала, кто сюда сыплет землю, я ответила, что я насыпала неспециально, она крикнула «а», я ответила «б».

(Из объяснительной).
Прислал А. Петров, г. Шахты.

П. ВИНОГРАДОВ, г. Яван.

«Я ушибла головной мозг по собственному желанию, т. к. самовольно без помощи соседа упала с лестницы».

(Из объяснительной).
Прислал В. Айкашев, г. Кировоград.

«К остановке подошли две молодые женщины с ручными маленькими детьми».

(Из письма в редакцию газеты).
Прислала Р. Минакова, г. Калининград.

В. ЛУГОВКИН.

В. ИВАНОВ, г. Ярославль.